

Томъ XXII (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 27. Выходитъ по четвергамъ. 11го юля 1868 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА съ доставкою въ ПЕТЕРБУРГЪ 7 РУБ., съ пересылкою во всея ГОРОДА 8 РУБ., на ПОЛГОДА 5 РУБ.

Отдѣльные номера газеты продаются въ контору по 15 к.; съ пересылкою и у комисіонеровъ по 20 к.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотоу, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНІЕ: Памятникъ Минину и Пожарскому. — Внутреннее обозрѣніе. — Дѣль Тельманъ. — Полиція. — Древнія Аомы съ салами Вѣнеромъ. — Новороссійскія пугачи и похороны. — Итого о волостяхъ. — Гражданинъ. — Давидъ Мининъ. — Перегородъ. — Адриана. — Ночь, картина

Маршевскаго. — Мертваго голода. — Борно. — Процессъ Березина и Хоринскаго. — Телълотъ. — Вѣдлграція. — Равная вѣстия. — Ответы редакціи. — РИСУНКИ: Памятникъ Пожарскому и Минину въ Мо-

сквѣ. — Древнія Аомы съ салами Вѣнеромъ. — Французъ Гвайдариеръ. — Давидъ Мининъ. — Ночь, картина Маршевскаго. — Вѣдлграція дѣловъ на островѣ Борно. — Графъ Густавъ Хоринскій. — Графиня Матильда Хоринская. — Юлія Эбергеръ. — Карикатура.

Памятникъ Минину и Пожарскому.

Россія бѣдна историческими памятниками. Еще въ столицахъ встрѣчается нѣсколько монументовъ и статуя, воздвигнутыхъ болѣею частью въ честь государя и полководцевъ. Но города наши мало заботятся о томъ, родился ли въ ихъ стѣнахъ какой-нибудь знаменитый дѣятель или воитель. Далеко не все замѣчаютъ, что паровъ наше не знаетъ своей исторіи, да это и не мудрено, если вспомнить, что вѣсть изъ петрицкой уѣздной системы оны два вѣка слишкомъ вносили по татаринѣ, да почти столько же иго крѣпостничества. Бывали, конечно, и въ эти тяжелыя эпохи — свѣтлыя минуты пробужденія народнаго духа, какъ въ знаменитый 1612 годъ и потомъ, ровно черезъ два столѣтія, въ 1812 г., несмотря на то, что въ концѣ семнадцатой и восемнадцатой столѣтій перенорости совершались стрѣльбы, да злобъ-кампанскія тоги. И въ 1612 г. въ особенности народный духъ былъ такъ силенъ, что одиъ спасъ Россію отъ междуобщія и бѣднѣшихъ наперевъ. Въ то время, когда друно борются цѣловоо крестъ польскому королевичу, да признавало разныхъ самозванцевъ — народъ, подданный доблестными правителями земщины, вооружился противъ нѣверцевъ, выгналъ поляковъ изъ Россіи и воссталъ на царствъ пара изъбраннаго, злобленнаго. Подвигъ нижегородскаго мещанею торпона слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ. Оны одушевленъ князь Пожарскій, дождеть его съ ора бѣднѣи и поставилъ въ глакъ народнаго ополченія, для сбора котораго нашелъ средства и деньги. Еще Александръ Іевъ 1815 г. убѣдительно подвигъ Минина, поставивъ ему и Пожарскому памятники, въ Москвѣ на Красной-площадѣ. При Николаѣ I подобный же памятникъ воздвигнуть въ Нижнежъ-Новгородѣ. И объ этихъ памятникахъ, объ этихъ лицахъ знаетъ этукъ народъ, несомно на то, что русскій просвѣдникъ и борникъ изображенъ полудѣтныи и въ римскіихъ тогахъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣла печати. — Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 28-го юля 1868 года: Принимая въ соображеніе:

что въ № 7-мъ газетѣ «Русско-Славянскіе Отголоски», въ статьѣ подъ рубрикой «Иностранная вѣстия» (на стр. 4-й, въ столбцѣ 2-мъ), вновь проводится возрѣніа, вызванна противъ означенной газеты нереіе предостереженіе —

Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи П. высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 г. и ст. 29-й отд. II высочайше утвержденнаго въ тотъ же день императорскаго указа, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣляетъ: объявить второе предостереженіе газетѣ «Русско-Славянскіе Отголоски», въ лицѣ ответственаго редактора и издателя, коллежскаго секретаря Иванова.

Посѣдніе повстанія. — Со времени уничтоженія матаиническихъ бандъ, бродили въ лѣсахъ Вятроградскаго уѣзда, шапка вооруженныхъ разбойниковъ, нашедшая на деревни и мѣстности и грабительная мирныхъ жителей какъ названнаго уѣзда, такъ и соседнихъ: Минекаго, Соколкаго, Соловьякаго, Радиминскаго и другихъ. Составъ этой ша-

пки, сформировавшійся изъ бывшихъ жалдариновъ-бѣгальцевъ, укравшихся отъ новоселья волниці, былъ неодинаковъ. Такъ лѣтомъ 1864 года число разбойниковъ восходило до 26-ти человекъ, а зимою того же года уменьшилось на 8; въ 1866 году бродить удержалось три человека, въ 1867 году — два только, а наконецъ, въ настоящемъ году уцѣлѣть только одинъ, Иванъ Роскоа, поиманный земскою полиціею Вятроградскаго уѣзда весной текущаго года. Первымъ атаманомъ этихъ разбойниковъ былъ ияко Александръ Снегитковскій, бывшій вахмистръ инсургентскаго жалдариновъ-бѣгальцевъ, вноскацій убійчій одиныхъ изъ разбойниковъ той же шапки. По смерти Снегитковскаго, шапка его раздробилась. Изъ нововодѣе раздробленннхъ шапокъ, извѣстны: гузнецъ Михаилъ Зелзевичъ, Иванъ Сулхъ и Малковскій, нападѣніе преимущественно на жителей Вятроградскаго уѣзда, способствовавшихъ поимкѣ ихъ товарищей, и дѣлавшіе, припомогъ текущаго года и изгнаны. Поиманный весной текущего года послѣдній разбойникъ изъ этихъ шапокъ, Иванъ Роскоа, лѣтъ 30, рижскаго, выросъ въ числѣ челяди при господскомъ дворѣ въ деревнѣ Турнахъ, гдѣ имѣлъ, во время востанія, свой лагерь начальныи жалдариновъ-бѣгальцевъ поддскаго воеводства Фрейтагъ (казнены). Роскоа вступилъ первоначально въ число вѣдальцевъ Фрейтага, потомъ въ стрѣльбы Лутынскаго, а наконецъ, лѣтомъ 1864 года, примкнувъ къ вѣдлѣй разбойниковъ подъ начальствомъ Зелзевича, сформировавшись въ ту пору изъ 14-ти человекъ. Роскоа можно отнести къ числу личностей самаго преступнаго заала. Оны участвовалъ въ нападеніи, съ оружіемъ въ рукахъ, на крестьянъ деревни Копти: Дула, Париса, Янубовскаго, Охтенскаго и другихъ, причѣмъ одному изъ крестьянъ отрезали уши, а въ избѣ другого, уцѣлваго бѣжалъ, въ шееребяи и сожгли. Въ 1866 году Роскоа, въ числѣ трехъ вооруженныхъ бродитъ, нападъ на постояльи дворѣ Курвановскій въ гор. Станиславскій; а 15-го юля прошлаго года, съ другимъ разбойникомъ, вскорѣ носіи тогарестованными (Игнатомъ Ротугаиномъ), напестъ выстрѣлами изъ ружья двѣ раны радювоу самогитскаго гендерскаго полка Михайлау, проходившему черезъ лѣсъ, прилегающій къ деревнѣ Брызовица Радиминскаго уѣзда.

Памятникъ Пожарскому и Минину въ Москвѣ.

существующе во империи. Чешский народ скорее может достигнуть цели своих партий, соединившись, способно видящая развития государственной учреждений, нежели предложенными камихалибо условно правительству, и это вполне сознают чешские представители. Напротив избюторая газета приписала Ригеру следующее выражение, недвусмысленно чести изобразительности авторств этихх известий, а именно, будто Ригерь сказал барону Вайсу, что если принадлежат обещаться во области России. В разговорь съ государственными самонимомь едва ли кто ринется употребить подобия журналиста. Не менше неправодобно и другое уверение газетъ, что когда, въ разговорь съ г. Вейсгома, досторь Ригерь обратилъ внимание на положение Австрии, то онъ будто замѣтилъ, что Россія и Пруссія, въ случаѣ распада Австрии, могли бы възлать правзана на Чехию, но невозможно, чтобъ Чехія поддала подъ власть Россіи.

— Предположенные на 30-е июня три чешские народные митинга на соборъ Жижелка, горъ Прибислава въ Доманинцахъ лоничского округа, и въ Страгоничахъ, запрещены окружными начальниками. На всѣхъ этихъ митингахъ имѣли обещаться условія примиренія чешской и нѣмецкой народностей въ Чехіи. Тамъ же менше, въ чешскихъ и моравскихъ газетахъ объявлено о двухъ митингахъ, которые имѣютъ быть созваны 7-го и 8-го июля на горъ Висавой, въ Чехіи, недалеко отъ Брна (Брно) въ Моравіи.

— Процессъ по дѣлу о народныхъ демонстраціяхъ, бывшихъ въ Прагѣ, оконченъ и всѣ обвиненныя лица присуждены, за нарушеніе общественнаго спокойствія, къ громадному, мѣсячному, четиридвухлѣтнему и десятидвухлѣтнему тюремному заключенію, сообразно степенямъ ихъ виновности.

Франція — Пренія законодательнаго собранія о бюджетѣ окончены. Руз, по обыкновенію, закончилъ ихъ рѣчью, которая всегда правится большепшесту, потому что дельгаты его слабостямъ и выражаетъ его нервнтельность. Онъ увѣрялъ, что правительство не имѣетъ никакой задней мысли, что для него миръ главное условіе спокойствія, а война указаное несчастье, которое можно допустить только для удовлетворенія чести и достоинства отечества. Однако, онъ прибавилъ, что желать мира можно, не прибѣгая къ обезоруженію, потому что надобно быть всегда готовымъ для защиты страны, которая своею силою возбуждаетъ уваженіе Европы. Эти слова могутъ быть слышаны во всѣхъ стоиныхъ большахъ и малыхъ государствахъ, и тогда никто не приметъ на себя внидныя разоруженія, потому что всѣ будутъ бороться нападенымъ соседямъ. Стало бытъ, бюджеты будутъ всегда увеличиваться и если Европа не будетъ разорена войною, то будетъ доведена займами до нищеты и тогда надобно ждать революцій. Жюль Фаверъ настаивалъ больше всего на разоруженіи и на возможности занять для Франціи первое мѣсто, посредствомъ войны, а силою демократической идеи. Пруссія поднялась только этою силою и надобно подражать ей, чтобъ имѣть ея влияние; тогда какъ невозможно вести безостановочную войну, подражая Людовику XIV и сохранять вооруженный миръ, чтобъ угрожать всему свѣту. Это доведетъ Францію до погибели. Говорятъ, что Франція довольно богата, чтобъ заплатить за свою славу, но она не въ состояніи платить за миръ. За этияи сѣбными и справедливыми словами оратора послѣдовалъ сильный шумъ въ собраніи, президентъ призвалъ Фавера къ порядку, а министръ Рузъ пришелъ въ негодованіе. Однако, Жюль Фаверъ выразился совершенно вѣрно. Правительство обязано предвидѣть расходы и не тратить безразсудно общественного достоянія. Правда, что война можетъ быть необходима, но тогда правительство смѣлость отечество; если же эта безполезная война, для удовлетворенія честолюбія одного человѣка, то вслѣдствіе имѣть право быть къ нему строгимъ, чтобъ подобная событія не повторились. Жюль Фаверъ сказалъ, что во Франціи не было бюджета безъ дефицита, хотя въ 1863 году, правительство объявило, что не будетъ больше дѣлать долговъ. Войны еще нѣтъ, но вооруженный миръ стоитъ уже народу пятьсотъ милліоновъ вѣротъ, а въ Чехіи въ 18 милліоновъ. Исполнители ружья разоряютъ народъ. Не лучше ли разрушить арсеналы и подѣлать изъ Шассе земледѣльческія орудія?

Въ 1866 году Франція могла имѣть сильное вліяніе на Европу, но пропустила удобный случай. Пруссія попустила удачнѣе, и война была для нея

полезна. Однако, надобно прекратить эти жертвы людей. Ораторы сожалѣютъ, что военному министру приписанъ слѣдующій слова: съ кого въ рукахъ такая прехосодная армія, какъ французская, тому нельзя оставлять ее въ бездѣйствіи. И для чего такъ много солдатъ, когда граждане составляютъ лучшее войско арміи? Революція 1789 года доказала это. Укрѣпленія тоже безполезны при нѣмной артиллеріи. Во время кризисовъ потогнать больше милліоновъ, чѣмъ враномъ. Франція не должна свѣять раздоръ въ Германіи, а напротивъ, обязана поддерживать миръ для способствія Евро-

дѣли поставить пятьсотъ тысячъ на военную ногу, потому что дутья державы могутъ сдѣлать то же. Даже обѣтъ нельзя сорвать. Если пожелаетъ отнать фермеры, то они отыщутъ отъ своей дѣла и артилерія будетъ слабѣе, чѣмъ у другихъ націй. Пренія окончились довольно миролюбиво. Военному министру оставили его лошадей, но рѣшили отослать по домашъ семь тысячъ солдатъ.

Дѣло журнала «L'Estimateur», остановленного на первомъ издѣнн, убрано въ судъ исправительной полиціи. Жюль Фаверъ, Генри и Шизартъ записали редактора и автора статьи, но судъ былъ также

Древнѣ Мадридъ

Франція должна приступить къ обезоруженію, первая и этимъ она докажетъ свою силу. Сильная и краснорѣчивая рѣчь Фавера, конечно, неубѣдила большинства, которое, хотя расположено къ миру, но не согласно на разоруженіе. Военный министръ объявилъ, что у него войска только 370 тысячъ, что онъ далъ отпустить 80-ти тысячамъ, а требовать, чтобъ онъ выпустилъ еще; но ему не необходимо это чело, чтобъ солдаты были достаточно выучены и можно было скоро привести ихъ въ движеніе. Военная сила состоитъ не въ числѣ солдатъ, а въ быстротѣ, съ которою можно поставить ихъ на военную ногу. Франція должна въ дѣе

строгъ, какъ всегда въ и добрыхъ случаяхъ. Найдено было, что статья Ферри возбуждаетъ недовѣст къ правительству и восстанавливаетъ одинъ элементъ гражданъ противъ другихъ, словомъ, приводитъ обыкновенныя фразы, которыми стѣсняютъ свободу. Оба обвиненныхъ осуждены, каждый на 5,000 итраву. Новый законъ о печати скоро выйдетъ съ прежними измѣненіями учреждений. Однако, это не заставляетъ журналистовъ молчать. Въ «Avenir National» смѣются надъ громаднымъ числомъ лицъ, награжденныхъ орденомъ «почетнаго легиона». Въ 1852 г. ихъ было 52,000, а теперь 63,000. Стало бытъ, уровень нравственности

подлея по Франши, хотя моралисты твердят о всеобщей испорченности. Ни одна страна в Европе не может похвастать столькими кавалерами. В Прусии, въ двадцать лѣтъ, включая послѣднюю войну, прибавилось не больше десятистотъ лицъ, получившихъ ордена.

Сатирическій журналъ «La Lanterne» также сильно нападаетъ на иямерию. Онъ замѣтилъ, что статуя герцога Орлеанскаго, устроенная прежде дворъ Луи-заброна-дѣ-то въ Версалѣ, а между тѣмъ, этотъ сынъ Луи-Филиппа возстановилъ статую Наполеона I на Вандомъ.

Эта угрипа первѣнственность сдѣлала много вреда. Она задерживаетъ нравственное и матеріальное развитіе націй и все ссиди влзаетъ въ ней тайная козни противъ общественнаго спокойствія. Газета «Times» говоритъ: какъ ни хвалятъ императорское правительство, но его нельзя назвать деюновымъ. Оладивъ властью въ 1851 г., Луи-Наполеонъ нашолъ долгъ въ 215 милліоновъ фр. стер. Въ 1864 г. этотъ долгъ возраслся до 492 милліоновъ, стало быть, больше чѣмъ удвоился. Въ 1867 году этотъ долгъ дошелъ до 540 милліон. фун. стер. Англійскій долгъ больше только 230

процъ деять. Мѣтѣ мира стоила почти столько же, сколько деять лѣтъ оупотребленій войны.

Англія. — Англичане все еще продолжаютъ радоваться удачѣ абиссиской экспедиціи. Главнокомандующій сдѣланъ лордомъ Пеиэровъ Магдальскимъ и ему назначена огромная пенсія.

Испанія. — Въ Мадридѣ опять открытъ заговоръ, сильно обеспокоившій правительство. Арестовано нѣсколько генераловъ и капитановъ, имѣющихъ Северную герцога де-ла-Торре, любимецъ королевы, маркизъ Кастиль-Флоритъ, бывший губернаторъ Гаваны и Каталоніи, генералъ артиллеріи Сабала, бывший губернаторъ Старой Кастиліи Бельоа и др., не считаа мелкихъ заговорщиковъ, которыхъ арестуютъ по одному подозрѣнію. Всѣ арестованные генералы перевезены на Кантабрию, бероватъ Андалузію для наблюденій за устьями Гвадалкививира. Но важнѣе всего то, что герцога Монпансе пригласили оставить Испанію, чтобы недовольные не могли выбрать его своимъ знаменемъ. Развѣ обратнсе въ Испанію сдѣлать герцога Монпансе родоначальникомъ новой династіи, или хотѣли сдѣлать государственній переворотъ въ пользу абсолютизма и крайнихъ клерикаловъ? Впрочемъ, дѣло заглавалось не на шутку, если захватили столько генераловъ, имѣвшихъ въ политикѣ и военныхъ собитіяхъ и наглыми родственника королевы, который уже двадцать лѣтъ живетъ въ Испаніи, видѣвъ много революцій и не выжидался ни въ ономъ. Теперь онъ выбѣжалъ изъ Кадыкса въ Лондонъ вмѣстѣ со своею женою, сестрою королевы Изабеллы.

Астрія. — Австрійская печать, принадлежавшая во всѣмъ отношеніяхъ, осуждаетъ строго духовенство, которое не уважаетъ законъ и возбуждаетъ анархію. Общественное мнѣніе еще строже: оно требуетъ просто уничтоженія конкордата и отобранія недвижимаго имущества духовенства. Въ Вѣнѣ былъ народный митингъ, на которомъ ораторы объявили, что если правительство такъ слабо, что не можетъ усмирить духовенства, то народъ обрѣтетъ одно средство: отказаться массами отъ римскаго папства. Ультрамонтанцы, которые ничему не выучивались и ничему не забыли, вызвали сами бурю и могутъ въ ней погнубить.

Ионія. — Микадо осудилъ тайнуна на смертную казнь, однако, помилдовалъ и рѣшилъ запретить своего бывшего совратителя въ одинъ изъ храмовъ провинціи Мито. Ноа вспоминался эта энергическая мѣра, на сѣверѣ Ионіи составилась коалиція дѣловыхъ, и доволнахъ повстать противъ вещей и микадо самъ можетъ быть свергнутъ восставленіемъ. Въ Югоагдѣ ждутъ новыхъ чиновниковъ микадо, которые введутъ другую администрацію въ насѣдственное имѣніе тайнуна.

Древнія Аонны съ садами Венеры.

Поэтическая красота древнихъ Аоннъ не развѣ была описана. Въ своей картинѣ Шиншель позволилъ намъ съ напаромъ древней аониской столицы. Подобное же добросовѣстное произведеніе представляетъ большая, писанная масляными красками, картина Юсифа Гофмана, составленная въ Вѣнѣ въ 1864 г. по заказу барона Сиза. Въ то время, какъ Шиншель преимущественно обратилъ вниманіе на архитектурныя памятники Аоннъ, Гофманъ, имѣя невольность, представить древнюю столицу искусствъ со стороны садовъ Венеры, скланившихся живописнымъ мѣстоположеніемъ. Съ помощью обширныхъ топографическихъ изученій, онъ оставилъ картину, дающую вѣрное понятіе о тогдашнемъ положеніи этой столицы. Въ тѣни оливокаго лѣса видѣвъ нальво іонійскій храмъ богини любви, обращенный къ городу. Торжественная процессія движущее освѣщаетъ прѣкратъ путь къ храму Афродиты Ураніи, гдѣ одно семейство приноситъ ей жертву. Нѣсколько далѣе, направо, видны группы танцующія въ честь Афродиты и Ареса, которыхъ статуи стоятъ въ священномъ лѣсу. Въ глубинѣ возмизаетъ прекрасный хоратическій монументъ Лизиврата и Одеонъ Перикла, въ подражаніе палатѣ Кеосера. Въ этой же части города возмизаетъ скала Агронопа со своими ханями и памятниками. Художникъ вѣрно воспроизвелъ каждое прелестное мѣсто, богатствую растительностью и доказавъ, что бѣздна древнихъ заморскихъ спмиковъ можетъ быть прекрасно соединена съ требованіями пейзажа.

Юсифъ Гофманъ — ученникъ умершаго историческаго живописца Карла Пала, одного изъ идеальнѣе

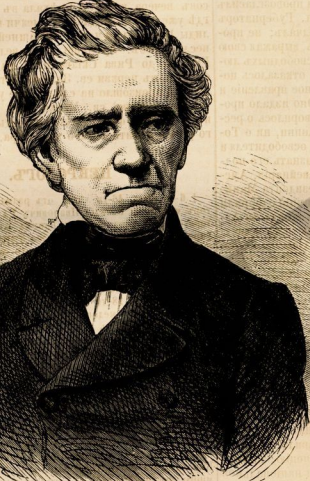
Аонны съ садами Венеры.

стой колоннѣ и перевезъ въ Парижъ его прахъ съ острова св. Елены. Вотъ какъ забываются благодѣянія прѣкшихъ династій!

Англійская печать то же не перестаетъ порицать наполеоновскую политику. Въ «Daily News» сказано, что французскій народъ неисталъ теперь, какое благополучіе доставило ему бонапартистское правительство, какова судьба тѣхъ, кто боится свободы и писать только спокойствіемъ. Всѣ доблесты и безпорядки въ финансахъ произошли отъ ни одного человека, который, какъ театральній директоръ, хлѣпочетъ только объ эффектѣ, можетъ быть, сделать хорошаго, но допускаетъ дурное.

милліонами, но Франція дѣлала свои займы на такихъ негодныхъ условіяхъ, что англійскіе проценты превышаютъ французскіе только на одинъ милліонъ, а послѣ новаго займа, Франція будетъ платить больше Англіи. Путианица въ финансахъ увеличивается. Послѣ сраженія при Садовой, Франція догадалась, что она дурно вооружена и началась военная реформа. Прусія то же не можетъ отказаться, и безуное соперничество доведетъ до войны или до истощенія. Пора французскому правительству подумать, что оно играетъ въ опасную игру. Прусія можетъ выдержать больше Франціи, кото-

съ анатомію, дѣйствию и приготовленіемъ лекарствъ, придами важнѣйшихъ болѣзней, перевезая и въ пролѣци продолжая имъ до самаго выхода его въ отставку, и всѣ записки сестры мучитъ засѣдательствовать, что трудъ Тарасова не впрямъ дорожъ: сестрами производился всякого рода переписки, изготовлялись всѣ формы лекарствъ; сестры же во время пріема распространяли по гренамъ больныхъ, а одна изъ нихъ, бывшая въ теченіе долгого времени начальницею и руководящею сотрудницею Тарасова, почти безпомощно распознала многа болѣзней. Трудомъ Тарасова и сестеръ между которыми имена Е. М. Бакуниной, Е. П. Карловой, бывшихъ начальницъ общины, и П. Ш. Надеждино будутъ всегда памятны общинѣ) офера дѣятельности общины возрастала все болѣе и болѣе. Въ 1862 году изъ общины присоединена самостоятельная дѣятельная больница, а тѣмъ приходившихъ больныхъ ежегодно возрастало въ такой пропорціи *, что потребовалось значительное увеличеніе личнаго состава врачей, которыхъ въ послѣднее время было восемь. Популярность Тарасова была такъ велика, что имя «Василій Ивановичъ» сдѣлалось для больныхъ прозвищемъ той части города, гдѣ находилась община, нарицательнымъ именемъ врача, и это было не потому, что Тарасовъ занималъ мѣсто главнаго врача, а потому, что, съ качествами врача, онъ соединялъ въ себѣ качества лучшей сестры милосердія. Такимъ образомъ, такъ въ Курму, такъ и въ Петербургѣ Тарасовъ былъ занятъ работой, и вѣсмотря на то, начиная съ перваго года основанія амбулаторіи и кончая выходомъ его въ отставку, находилъ

Францъ Гильяверьеръ.

возможность писать и печатать ежегодные отчеты о дѣяніи больныхъ и состояніи общины (см. «Военно-Медицинскій журналъ» и «Медицинскій Вѣстникъ»); отчеты эти составляли богатый матеріалъ для врачебной статистики города.

Тарасовъ былъ вообще слабъ здоровьемъ; уселенная работа, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудженіемъ первой системы, которыхъ онъ непрерывно подвергался, какъ организаторъ общины, предвзятыи же душою и тѣломъ, ослабляла его здоровье еще болѣе. Важные первые нравяща начала уже появлялись въ 1865 году, а въ 1866 онъ долженъ былъ отправиться для леченія въ нѣсколько мѣсяцевъ за границу; въ мартѣ 1867 года болѣе, принудило его взять отставку и снова отправиться за границу; но отсутствіе общины разражало его только болѣе; его привезла оттуда (въ мартѣ 1868 года) уже совершенно истощеннымъ, и послѣдніе дни своего ужаснаго существованія онъ провелъ въ лечебницѣ для умалишенныхъ. Сестры не оставляли его до конца. Имя Василія Ивановича Тарасова не умретъ до рѣшимаго.

† 15-го июля, въ Вилградѣ, по обвиненію военного суда, за участіе въ покушеніи на жизнь князя Михаила, распространяя командиръ пѣхотной роты капитанъ Георгій Митидиловичъ. Онъ былъ взятъ 5-го июня вслѣдствіе показанія Л. Талца, состоявшаго въ томъ, что Митидиловичъ долженъ былъ выйти на помощь имъ со своей

ротой, овладѣть полдцей и послѣ принять подъ своимъ команду все войско. Въ томъ же родѣ было показаніе и В. Новикова, но Новиковъ на публичномъ спросѣ въ судѣ отвѣтилъ отъ этого показанія, говоря, что оно было у него забыто, что ему трое сутокъ не давали ни спать, ни янать, и послѣ шесть часовъ подрѣзалъ былъ пальцы. П. Радовановичъ показалъ въ такомъ смыслѣ: онъ спрашивалъ Митидиловича, поможеть ли онъ имъ въ случаѣ перервота? На это онъ отвѣтилъ: если получу приказаніе отъ того, кто старше меня. Все это не освобождаетъ его отъ казни, но снимаетъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ участіи въ смерти князя. Въ такомъ же смыслѣ, говорить, были и его собственныя показанія, что, однако, положительному иному неизвестно. Какъ ни тяжело представлено, мужество, съ казвямъ онъ встрѣтился смерти, но нѣмало извѣстнаго состраданія и сожалѣнія, что такой тѣрный характеръ не попалъ на лучшую дорожку. Какъ будто раука, что, наконецъ, послѣ страшной подземельной тюрьмы, въ которой его 12 дней давали страшно тѣсно, до удуха вѣтромъ, оковы, гдѣ безжалостно терзали его жестокие удерживающіи орудія съдѣлальной комисіи, какъ будто радился, что онъ еще разъ итѣтъ безъ оковъ, дышетъ свѣжимъ воздухомъ, итѣтъ живымъ человѣческой люду, онъ шолъ свободно, глядѣлъ кругомъ спокойно и весело, какъ будто и не умалъ о казни. Подойдя къ ястѣ казни, онъ вынулъ шаровую, скрутилъ шаровую, порохомъ огня, и эту послѣднюю услугу оказалъ ему одинъ полковничекъ, бросивъ на полъ шаровую и ставъ куритъ, спокойно подождавъ кругомъ. Кочыжь куритъ, быстрымъ, твер-

дымъ шагомъ пошелъ къ могаѣ и прыгнулъ въ яму. Его привязалъ подъ плеча къ слабо вбитому колу, а занявъ бѣлымъ платкомъ глаза, радился заны въ пяти ружей и — всему концы. Кровь брызнула на бѣлый столбъ; тѣло вышло сначала, потомъ появилось вмѣстѣ съ подоломъ. Нѣсколько времени оно еще пешало, но, конечно, ничего не чувствовало. «Проклятъ буди проклятъ буди!» — было ему нупустившимъ крикомъ толпы.

Кто зналъ княгиня лично, всѣ говорятъ, что онъ былъ человѣкъ честный, умный, знающій свое дѣло, и значительнотю это составляло; характеръ его былъ ярвы, видъ строгій, всякое хорошее дѣло вѣдѣвало въ немъ такое живое участіе, которое тотчасъ же онъ выражалъ на дѣлѣ. Прямъ доброй, послѣ того, какъ стало извѣстно о смерти князя, онъ оказалъ помощь хозяйной, у которой квартировалъ: «Бѣды, что я не былъ на мѣстѣ Тарасиня; я какъ запыталъ бы князя, какъ умеръ бы съ нимъ вмѣстѣ!» Митидиловичъ воспользовался въ одною изъ петербургскихъ корпусовъ, служилъ въ русской военной службѣ, участвовалъ въ послѣдней компаніи противъ поляковъ, и, вѣроятно, есть въ Россіи нѣкоторые, которые его еще помнятъ.

† Въ Угтѣ Ваглен-Креховъ, вѣдѣстный магистръ, назвавшій честнымъ трудомъ огромное состояніе и заслуживавшій всеобщее уваженіе. Еще недавно король Леопольдъ давалъ ему орденъ за полезные труды. Онъ родился въ бѣдности съ страстью къ механикѣ и виду, что Гентъ выдѣлываетъ всѣ машины изъ Англіи, привезла савѣ дѣлать ихъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ устроилъ

прескромную фабрику машинъ, усовершенствовалъ ихъ и, назвавъ значительное богатство, удалился въ свое имѣніе, чтобъ отдохнуть, но и тутъ не оставался въ бездѣйствіи и занялся изобрѣтеніемъ. Ему было совѣстнотѣ и онъ умеръ безъ страданій, вѣствуя посреднотю своего семейства.

† 6-го июля, разстрѣлянъ въ Вилградѣ ротмистръ Младенъ Невадоичъ, братъ княгини Персиды Каролевичевны. Опредѣлено было казнитъ его на другой день, но чтобъ нѣкоторые члены присутствія могли найдти этотъ видъ сербской инации, казнѣ была совершена предъ Вадинскими воротами. Большая часть членовъ присутствія въ нѣсколько народа находилась на мѣстѣ казни. По званію, еще со времени князя Милоша, осужденный предвѣрительно долженъ вѣстувать въ табукоу. До полудня тѣлъ, яму. Когда Младенъ Невадоичъ вступилъ въ яму, ему запылила глаза и свѣтила вѣдѣтъ руки. Нѣмѣ солдатъ сдѣлалъ по выстрѣку съ растеніемъ десяти шаговъ; трупъ казненаго зарылъ тутъ же, на мѣстѣ казни. Младенъ былъ воспитанъ въ Вѣнѣ и служилъ прежде въ австрійскомъ егерскомъ батальонѣ.

† 13 июля кончалъ Савро-германскаго союза Валтеръ Фердинандъ Сименсъ, въ Телавѣ. Онъ родился въ 1838 г. и въ 1860 началъ свою дѣятельность на Кавказѣ устройствомъ первой въ краѣ телеграфной линіи между Тельавою и Потъ. Онъ же способствовалъ проведенію черезъ Закавказье въ Персію англо-ост-индскаго телеграфа.

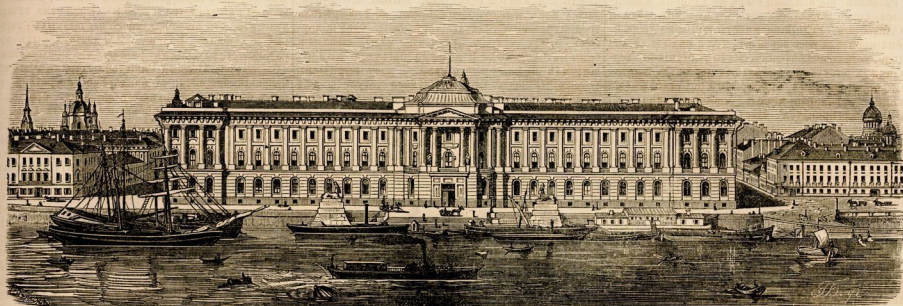
† Въ Парижѣ знаменитый физикъ, членъ академіи наукъ, профессоръ Сорбонны, депутатъ мѣстечка Польмиа Пьеръ

Даніиль Магннъ.

Рувелъ. Онъ родился въ Коэнѣ въ 1791 г., получивъ въ нормальную школу, чтобъ приготовиться къ поприщу профессора, которому поставилъ всю свою жизнь. Онъ началъ съ должности репетитора, потомъ былъ учителемъ въ нормальной школѣ, профессоромъ физики въ бурбонскомъ училищѣ, въ политехнической школѣ, въ консерваторіи искусствъ и ремеселъ. Въ ноябѣ 1849 г., тогда социалстовъ, подъ вѣдѣтельствомъ Ледру Роллена, вторглась въ это заведеніе, и вслѣдствіе этого, Пулье былъ обвиненъ въ анархическихъ поступкахъ, однако, умѣлъ оправдаться. Послѣ перерыва 2-го декабря, онъ не захотѣлъ принести присягу Луи-Наполеону и отказался отъ кавсера физики въ Сорбоннѣ, хотя очень дорожилъ этимъ мѣстомъ. Онъгъ Пулье объ электричествѣ и теплотѣ, дѣлаемые вмѣстѣ съ Био, привадедѣжать къ замѣчательнымъ открытіямъ науки. Кромѣ того, онъ написалъ «Traité de physique mathématique et expérimentelle» и множество отчотовъ академіи и нѣтъ, которой онъ былъ членомъ съ 1837 г. Въ его сочиненіяхъ видна та же ясность и легкой слогъ, ярымававшій въ Сорбонну многочисленныхъ слушателей. Если онъ, какъ физикъ, не сдѣлалъ великаго открытія, составляющаго эпоху въ исторіи науки, то какъ профессоръ, умѣвъ вѣдѣтъ любовь къ наукѣ и образовалъ много замѣчательныхъ ученыхъ.

* Въ 1865 году, напримѣръ, число вѣзвотыхъ, запысаныхъ въ вѣдѣтъ лечебницы прешло 100,000.

АДРИЕНА.

(ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ).

II.

Петербургъ, 10-го апреля 186...

Мы жили съ тѣмъ тихо, весело. Она все шла въ меня, пишала, хозяйничала, и возила съ собою учениками, переводами, котормъ мнѣ доставлять достаточно братъ Ивановыхъ, студентъ, самъ писавшій въ вѣкторые журналы. Вдругъ управлюющій нашъ написалъ, что тѣтъ необходимо прѣхать самой въ деревню, для окончательнаго размежеванія съ крестьянами. Притомъ, нану Рязану получая богатый сосѣдь, и управлюющій не смѣлъ начинать этого дѣла безъ хозяйки, хотя она давно хотѣла продать деревню, чтобъ купитъ въ Петербургъ домико. Это вѣвстие расстроило насъ. Тѣтъ должна была ѣхать, но вести меня на вѣсколь мѣсяцовъ было бы только лишнее траво и прерывало мою работу. Однако, оставивъ меня тоже нельзя было одну въ Петербургѣ. Сосѣда наша, Иванова, укажала въ большой дочери въ Ярославль, другухъ знакомыхъ собствено было безпокой, да и я не хотѣла бѣтъ, никому въ тигость. Есиль ты, Лиана, была гдѣ-нибудь поближе, я бы поехала къ тебѣ, но ты зарабася такъ далеко! Чѣего дѣлать, начала и я собираться, а уткуду нану, Матрону, мы хотѣли оставить здѣсь, вназвъ ей комнату, въ которую поставили бы все наше имущество. Въ послѣднее воскресенье, погода выдалась не петербургская, ясная, сухая, и тѣтъ вдумала идти къ обѣднѣ къ Исакію. И никогда не противоручи ей въ такихъ случаяхъ, потому что уважаю дажекъ религиозные предрасудки и мы отправились изъ Коломни въ знаменитый соборъ. Тѣтъ пришла ближе, чтобъ слышать службу, а я стояла невозмутимо, и принависъ откровенно, начала разсматривать народъ Богомолицы, потому что къ Исакію прѣѣзжаютъ богатыя и знатныя. Глаза мои невольно остановились на высокой, довольно полной дѣвчѣ, которая стала передо мною, спомодъ тѣтъ, постыла впередъ двухъ дѣвчонокъ, зѣтъ восьми и шести. Лиана дами мнѣ не было видно за модною шляпою, но весь ее костюмъ былъ до того богаты и изящны и, между тѣмъ, скромны, что я была убѣждена въ ее аристократизмъ и въ томъ, что она молодая и хорошенкаженщина. Дѣвчонокъ не могли долго стоять тихо, и начали повертываться и оглядываться. Одѣвья, какъ куколки,

въ бархатныхъ платьяхъхъ и бѣлыхъ шляпкахъ, обѣ были прехорошенькия и свѣженькия, только обѣ роженькия и съ срыми глазами. Я тотчасъ же составила себѣ тнъ матери и воображала и ее блѣзкурою и розовою. Въ это время дама нагнулась къ дочерямъ, чтобъ обернуть въ обѣтъ головками въ шляпы и ушла, да расклдтъ се въ профиль. Дѣвчательно, это была красавица, въ полномъ смислѣ слова, только совсѣмъ не блѣзурная и не рыжая. Это были тнъ воспитательной бронецки съ бѣдною, прозрачною кожей, правильными чертами, маленькнми лоомъ и большими черными глазами. Маленькнй ротикъ улыбался такъ мило, когда она наклонялась къ дѣвчѣмъ, все движениа были такъ грациозны, что я не могла отвести отъ нея глазъ. Мнѣ показалось даже, что зрѣтъ чудный профиль мнѣ немного знакомъ и я начала припоминать, гдѣ и когда могла встрѣтитъ эту красавицу. Въ головѣ моей промелькнули все балы, вечера, все знакомыя, но ничего не могло и близко подойти къ незнакомѣй. Я углубилась дальше, въ дѣтство и увидѣла себѣ оруженною толпою дѣвчонокъ, въ одобробранномъ костюмѣ, но съ самыми разнообразными фюзномнми. Напрасно я, однако, вела между ними что-нибудь похожее на мою красавицу; даке ты, Лиана, тоже бронецкиа и походила на принца Джалыю, не могла сравниться съ нею.

Вдругъ мысль моя остановилась на одномъ институтскомъ воспоминании. Поминишь ли ты, Лиана, несчастную дѣвчонку, вѣзную болельную, съ красивыми глазами, юрною, грязною и странную дѣвчонку. Ее звали Зинаида Раиская, она говорила,

что она знатная, но все надъ нею смѣялись, и прозвали ее Зонькою. Даже въ вѣвчонку живѣе не нашли ей приличнаго названія, и она такъ и осталася Зонькою. Ее привезъ въ институтъ отецъ, и потомъ ее никто даже не навѣщалъ. Зонька говорила, что у ней есть бабушка заграничъ и тѣтъ, но ей не вѣрили, и весь классъ потыпался надъ еею простотою и дѣвчостою.

Я одна смѣялась надъ дѣвчонкою, надъ которою все въ безжалостно потыпалось, утыкала ее, ласкала, кормила гостинцами, проходила съ нею уроки, сплсала ее отъ наказанія. Въ въ вѣвчонку называла меня сестрою милосердія, а Зонька была называна по мнѣ, какъ собачонка, и была счастлива, когда могла мнѣ услужить. Ее вали далеко до выпуска, потому что она не могла участвовать ни въ какомъ экзаменѣ, и она холодно протнмалась со всѣмъ классомъ, только меня забыла со слезами и шепнула мнѣ:

— Адриена, я никогда тебя не забуду...
 Все мы говоримъ эти слова, прощася съ каждою изъ подругъ, и знаемъ, что это ничего не значить; такъ и я скоро забыла нѣтолько о словахъ Зинаиды, но и о ней самой, зѣтъ больше, что похощили экзамены, и наши головы были наполнены романтическими мечтами о будущемъ. Только одна пеншьерка сказала мнѣ разтъ, что встрѣтила Зину Раискую у своего благодѣлница княгини, что она не узнала ее, такъ она похощида, и что смлшала, будто она выходитъ замужъ за богатого грузинскаго князя. И только это насмѣшливо надъ бѣдною Зонькою и больше ничего не говорило все это въ голову при видѣ красавицы-бронецки, съ двумя роженькими дѣвчонками. Обѣдня окончилась и два лверненые лаека очутились позадъ незнакомки, которая обернулась ко мнѣ, вѣвчонку, почувствовать мой холгнй взглядъ, и остановилась удивленная и обрадованная. Глаза ее наполнились слезами и, протянувъ мнѣ обѣ руки, она сказала въ волненіи:

— Адриена, ты не узнаешь меня... И Зинаида... бывшая Зонька, которую ты записала отъ всего класса... И не забвляю мою институтскую благодѣлницу.
 И она съ жаромъ обняла меня, поздоровалась съ тѣтою, которую тоже поинила, представила мнѣ своихъ дочерей, сказала; «у меня теперь три Адриены и объявила, что отвезетъ тѣтоу домой, а меня возьметъ къ себѣ на цѣлый день, чтобъ переговоритъ обо всемъ, что съ нами случилось послѣ выпуска.

«Ночь», картина Маршевскаго.

Рассказ моей жизни был не длинен и окончился, когда мы, отвезя тётю во Коломну, ёхали до Лейпига, где Зина живёт почти во дворце. Меня поразила роскошь всего, что а видела. Лейпсина, уставленная тропическими растениями, картинами и статуями, громадными комнатам, картин, ковры, фонтаны, безобразный предмет, рёвкие люстры, затёпная мебель, многочисленная, но модная парюта. Наст, ввиду покляла англичанина, котораю потщительнее поклонилась Зини, я увидла дёвочку, которая сказала мнѣ:

— А мы пойдемъ ко мнѣ, Адриана, и я расскажу тебѣ мой романъ.

И она увлекла меня въ маленький будучи, обставлнй какою-то китайскою матеріею золотого цвѣта, съ огромными разводами, и приказавъ пойдти за завтракъ, который тотчасъ явился на огромномъ серебряномъ подносе, она сбросила съ себя шпинуку, поправила волосы, замечавше шарку, съвзвѣдла меня на мягкий диванъ и поинтл облада, какъ сестра. И не могла она опомниться отъ удивленія и считала почти сломъ, что передо мною красавица, окруженная роскошью, знатная дама, а нѣсколько дѣтъ назадъ, я бѣдная сирота, принужденная работать, была покровительницею той, которая теперь стоить, можетъ быть, выше насъ всѣхъ. Скоро, однако, мы сблизились и стали друзьями, какъ прежде, только уже не я могла разыграть роль покровительницы. Зина рассказала мнѣ въратили свой романъ, какъ она выражалась.

Действительно, жизнь ее не такъ однообразна, какъ наша. Отецъ, являсь ее инстинкту, отнесъ къ тому, что называется въ театрѣ трагиком, котора я нѣсколько мѣсяцовъ сдѣлала въ подругаго ребенка свѣтскую дивушку. Притомъ, она поправила и на хорошею воздухъ, развилась, похорошила и ее привелъ въ Петербургъ красавицею и богатою невѣстою. Кажется, у ней было много жениховъ и, сколько я догадываюсь, она вышла не за того, кого бы сама выбрала, а кого ей назначили родители. Она не очень распространялась объ этомъ эпизоде, а просто сказала: такъ была и не могла выйти за бѣднаго, но вышла за князя, который бѣжалъ меня, какъ глупаго ребенка, похитилъ брильянты, наложилъ на меня руку, и, вѣроятно, это ему скоро надоело, потому что года черезъ два, видя, что я остаюсь къ нему равнодушно, онъ прозвалъ меня деревенскою, пристратился къ картамъ, къ блестящимъ знаменитостямъ, а въстрѣчалась съ нимъ рѣдко и тоже бродилась въ шумную свѣтскую жизнь. Когда мужъ умеръ, я осталась съ двумя дочерьми и съ большимъ, но запутаннымъ состояніемъ. Дальній родственникъ мой и другъ мужа, баронъ Штеинъ, вылъ такъ добръ, что захотѣла устроить мой дѣла вбить одну изъ дочекъ. Онъ былъ богатъ, и провозилъ меня въ добромъ образѣ, съ большимъ талантомъ и теперь занимаетъ видное мѣсто и можетъ надѣяться еще большаго, потому что его способности цѣнятся его характеру и честности удивляются. И тебѣ познакомлю съ Подемъ: онъ страстно любитъ музыку, ты музыкантка, и вы поймете другъ друга.

И замѣтила являвш Зини (какъ мнѣ странно было сначала произносить этотъ титулъ), что мнѣ не придется, можетъ быть, видѣться и съ нею въ другой разъ, потому что я къ сѣмъ тѣмъ въ деревню, но она переболала:

— Ты думаешь, что я, встрѣтивъ тебя нечаянно, отпущу въ каку-то деревушку. Ты знала съ тѣмъ, потому что тебѣ не у него было оставаться, а теперь есть гдѣ, если только ты сама захочешь. Послушай, Адриана: первая впечатлѣнныя дѣтства не забываются, а мое дѣтство было не радостное. Мой отецъ любилъ нѣжно мою мать, она умерла послѣ моего рожденія, и онъ почти возненавидѣлъ меня, какъ будто я была виновата въ смерти матери. Его сестра жила заброшенно, потому что мужъ ее былъ при послѣдствѣ, и не могла меня въить. Притомъ, я была болѣзненна, дивна, дурна соборъ и очень стѣнла, меня въ инстинктъ и забыла обо мнѣ. Умоу я напознала обо мнѣ бабушка, которая жила съ тѣмъ заброшенно и просила кого привести меня къ нимъ. Поверилили, но въ дорогъ отъ не сказала мнѣ десяти словъ, и, ставъ на руки тѣмъ, ухвѣлъ въ свое поместье, отъ куда не въѣхавъ до смерти. Стало быть, одна ты скланилась надъ бѣдною Зиньюю, защищала отъ наважды подруги, спасала отъ заслуженныхъ наказаниями, и воспоминае о тебѣ остаѣсь въ моемъ сердцѣ самымъ свѣтлымъ, самымъ приятнымъ. Проспѣвнная послѣднимъ дѣтъ сдѣлала изъ негомого и я не искала бы тебѣ, не знала, гдѣ ты и, полагая,

что ты замужешь и счастлива, потому что считалась съ нашою первою красавицею; но я встрѣтила тебѣ и прямо предлагаю тебѣ быть монкѣ другомъ, моего сестрою. Дѣти еще малы, выгоды и были надѣвны мнѣ. Я недавно прѣхала изъ Бразилія, гдѣ имѣше моегъ мужа, и хотю жить въ единении. Твоя тѣта согласится уступить тебѣ мнѣ, хотъ на время отбѣзда, а тамъ мы увидимъ. — Что еще прибавить. Дина Моельтъ быть, ты упрешонъ меня въ недостаточности, въ желаніи пожить въ роскоши, поймаюмся съ вѣснмъ кругомъ... не знаю сама, что ухвѣло меня; можетъ быть, просто любопытство, только я согласилась обставитъ у Зини, тѣтъ ухвѣла одна въ деревню и я уже нѣсколько дней живу въ княжескихъ валахахъ, и княгиня омаева меня нѣжностями, какъ сама, подарками... В. П.

«Ночь», картина Маршевскаго.

Маршевскій принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ, хотя еще только что начинавшихъ приобретать нѣлвстности, парнаксскихъ живописцевъ. Картину, снимаемъ съ которой мы предлагаемъ въ настоящее время, прибрюкъ парнаксское общество покровительства изящныхъ искусствъ для своей лотереи, разыгранной въ прошломъ году въ пользу бѣдныхъ художниковъ и составленной изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современныхъ живописцевъ. Бѣднаа, надвиселася тама, крытая соломой, во время тихой, туманной ночи — вотъ предметъ картини Маршевскаго, но кто не сомнѣется, при взглядѣ на нее, что картина является поэзией и написана даровитымъ художникомъ.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ РАССКАЗЪ).

(Окончаніе).

«Нѣтъ, любовница истерия, прилетѣнная въ книгу «Бѣдная жизнь», написанной дѣвочкѣ Жан Меленсонъ, Агрипполомъ Обелье, Корнеліемъ де-Вилье, въ «Голубиныхъ уткахъ» Бюкенайскаго, доказываютъ также, какъ и Альбертъ-Веллинъ, что есть самое вѣрное средство узнавать будущее. Для этого надоно достать голову мужчины или женщины, которые не вѣрили бы ни то что бы были безъ предпряздковъ. Чѣмъ болше эта голова считала страстей, опасностей, различныхъ тревоженій и переживъ въ жизни, тѣмъ драгоценнѣе она для колдовства. Вотъ почему Филиппъ Орлеанскій долго отыскивалъ такую голову и ему помогли въ этомъ люди, занимающіеся амалетами, говорящими оны, результаты, не открывъ себя никому, но сказавъ, что хочеть изучить анатомію человѣческаго тела. Во то время я была молодой и ученикъ доктора Сильвы, приближеннаго къ принцу и часто занимавагося съ нимъ. Однажды, докторъ Сильва сообщилъ его королевскому высочеству, что держалъ недавно въ своихъ рукахъ самую любопытную голову. На вопросъ герцога Орлеанскаго Сильва рассказала следующее:

«Меня призвалъ священникъ церкви св. Павла обѣщати страданій одной грѣшницѣ, умирившея въ страдальчихъ мученіяхъ, и дозволившею облегченіе. Съ перваго взгляда я увидѣла, что она была красавица и приняла, какъ королева, приказаніе вѣкъ. У нея было часто бредъ, кака-то странная видѣнія, но ни минуты старости, раскаянія, ни одного слова молитвы. Священникъ приходилъ въ ужасъ и не зналъ, какъ говорить ее, чтобы она исполнила христіанскія обязанности. Онъ призвалъ меня къ большой въ той надеждѣ, что я прочлю ее жизнь и онъ успѣетъ спасти ее душу. Я согласилась навѣститъ болную въ глухой уикъ и она приняла меня довольно ласково, замѣтила, что заболѣла о ея здоровья, а не хлопоту нѣсколько о ея дѣлѣ. Тогда она мнѣ сказала, что носить знаменитое имя, что ее зовутъ Мариюю Дезормъ, что она жила въ Парижѣ, какъ королева, знала поэта Дебарро, маршала Д'Альбре, графа де-Врисска, кардинала Речъ и даже страннаго кардинала Ришелье, который былъ тоже обожателемъ красавицы...»

«Проговоривъ съ грузомъ имя кардинала, Мариюю Дезормъ явала въ безаматистъ и потомъ сдва дѣлаюла. Докторъ Сильва видѣлъ, что болная припоминаетъ преступныя и постыдныя дѣла.

Она служила кардиналу вмѣсто шонама, натачивала его на убійствахъ и казни. И она сама, начала хвастать, что погубила много несчастныхъ, которые ее любили. Больше всего докторъ былъ провознъ слѣдующимъ разговоромъ престелница: однажды влюбленный Ришелье подарилъ Мариюю красивые башмачки съ башмачками, посреди которыхъ блестяло по кружкомъ брилланту. Красавица горячая отдала свои обинны и облокала въ золотую кофимку Сен-Марку, у котораго застала друга его де-Ту. Нечего и говорить, что оба молодые человека были влюблены въ Мариюю и она подарила каждому изъ нихъ по банту со своихъ башмачкомъ, требуя, чтобы онъ на другой день явился ко двору съ этими кокардами на шлкахъ. Великій конюшій былъ въ восторгѣ отъ этой идеи и тотчасъ же согласился на нее, но де-Ту не рѣшался на эту дерзкую выходку. Однако, Сен-Маркъ и Мариюю уговорили же. На другой день оба они явились во дворецъ кардинала и мужественно министръ принялъ ихъ сначала мѣстиво, но замѣтивъ знакомые банты съ бриллантомъ, злобно смѣхнулся. Черезъ три года самъ кардиналъ былъ при смерти, но намоть въ себя довольно силы, чтобы приказатъ казнить двухъ безумцевъ. И Мариюю сѣблаасъ, рассказавшая объ этомъ.»

«Вотъ чью голову я могу доставить вашему высочеству, сказать докторъ Сильва герцогу Орлеанскому, окончивъ эту исторію.»

— Неужели эта ужасная голова оставаасъ вѣчно въ комнатахъ королевы! вскричала испуганная доводница де-Вилье. — Увыте что, докторъ, на не грѣхъ смотреть. Мой духовникъ сдѣлаетъ мнѣ изговоруъ.

— Окончите вашъ разговоръ г. Гельдъней, сказала королева въ сильномъ волненіи: — я хотю знать, дѣйствительно ли голова эта предаквнваетъ будущее, хотъ сама допроще ее. Не даромъ я отоскала ее.

Въ голосъ королевы слышнелъ былъ приказъ и укомій продолжалъ:

«— Но, что я имѣлъ честь рассказать вашему величеству, слышалъ я отъ самого доктора Сильвы, который былъ моимъ ученикомъ и другомъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ, еще не старшй и дошней силъ, только разоудотъ его расстрѣляли. Это все убирать, что голова Мариюю Дезормъ разогарнавала съ нимъ, предсказвала его смерть и дѣла соинта. Она говорила не такъ, какъ прѣжидныя, но отрывистыми, таинственными фразами, прерываемыми вздохами, ироническими смѣхомъ. Я разспрашивалъ у него подробности объ этой головѣ и онъ мнѣ сказалъ, что герцогъ Орлеанскій спрашивалъ ее о будущности и она предсказала ему главныя странная событія, что онъ явилася виновницею всѣхъ несчастій его жизни. Она сказала мнѣ, что ему предстоитъ: «Берегитесь! Вокругъ трона булетъ много несчастій. Твои слова, твои желанія, твои реченія разобьются отъ одного подозрѣнія». Вотъ почему Филиппъ уничтожалъ тотчасъ свою химическую лабораторію со всѣми инструментами, элексирами и лекарствами. Однако, неожиданно умерли: дофинъ и его сурруга, герцогъ Бретани. Старый король подозрительно смотрѣлъ на принца. Голова Мариюю Дезормъ исчезла въ это же время и даже докторъ Сильва не зналъ, куда она дѣбаслась.»

И онъ хотю умереть, все твердя объ этой головѣ. И въ разговорѣ никому было знати событий и вѣроятно, оно осталось бы забытымъ, еслибы наше недѣлство не нашли этотъ ящикъ и не открыли голову, которая давно должна покониться въ землѣ.

Королева задумалась, смотря на мертвую голову. Докторъ и герцогиня поняли, что бѣдная женщина хочеть остаться одна и тихонью вышла. Гельдъней пошелъ въ своемъ большаго, герцогиня въ казету. Онъ оидветворилъ сомнѣніе, она вѣру, а королева — покорность судьбѣ. Потерявъ надежду, она не предсказала отчаяній и удакала еще паче казненіемъ и тупшею. Она сама пережесла являкъ въ той комнату, гдѣ красавица Марія Томазо подвисала брачной кокарткѣ съ полемскимъ королемъ Владиславомъ IV въ 1645 году. Тутъ былъ и портретъ Маріи, работи Авраама Босса. Королева, поставя ящикъ на небольшой столъ, съ любовностіемъ и страхомъ склонилась надъ мертвою головою. Сначала она не могла узловитъ пи малѣйшаго звука, потомъ ей почудилось, что въ мертвыхъ губъ вылетаетъ даханіе, что въ черепѣ происходитъ шумъ. Дѣе выражене востанаго аба пазвильно, какъ будто смерть не тронула его, и

белая голова начала понимать смехе тихих, неясных звуков. Это было что-то похожее на жалобу, и хотя Мария Лещинская нисколько раз хотла удоматься, но какая-то таинственная сила удержала ее от головы и она немолво припадываясь, спрямляла ее, что будет в будущем.

Мертвая голова промолвела какин-то проклятие, потом высказалась странная слова для двора: революция, голод, бедность, потерянная слава, народное воевание. Роль королевы забылут где не сестры Нель, но протодиакон, потерянная женщина и, посреди разгрома, стыда и лжи, волье синуть от скуки и просветлается иногда, чтобы сплести у своих лодычек: который этак!— Государи! Это мое воевание и несчастье. Франция жалеть вопросно нас. Ей угрожает Австрия, а в Берлине съются над ней....

И мертвая голова продолжала прочитывать невозможна вещи: ведай победит поземная работа, у старого короля неть больше денег, английские моряки захватили французския провинции, въ Версаля увасят, въ Парижъ бытут... Ридания прерывались рассказъ головы, но королева не уставала слушать.

ЭТО сдѣлаюсь любимымъ ея занятіемъ. Она по чѣмъ не выходила изъ этой комнаты и смотрѣла на мертвую голову, покручивая пальцами пальцы дровъ. Случалась однако, въ перныя четверны дни, что въ явнѣе все было тихо, какъ въ гробу и голова молчала, какъ была другая голова, вырѣзан на кладбищѣ; потомъ въ ней возрѣзалась ея прасорбѣе и королева задавала ей вопросы. Отвѣты были, болѣею частью, печальныя: старій французскій духъ исчезаетъ, евангелие забыто для новой книги, называемою энциклопедіею. Грязная, у греховатѣльнѣе скваси. Кандидъ извѣдываетъ; но этакъ сѣкъ, проповѣдуетъ таинъ и приучаетъ събитыя надъ опустошенными городами, какъ полемъ сраженій, обограничимъ кровью тридцати тысячъ солдатовъ. Въ это время король плачетъ надъ оперою «Колета и Коленъ» и наплываетъ къ вѣсницею. Мертвая голова тоже вдувала пробыть однихъ куллетъ Коленъ, только это вышло съ зловоше, что королева отгадывала отъ своихъ покрути.

Королева забыла придворные праздники и церемоніи, не обращала вниманія на прѣсѣбіе короля, на прѣсѣбіе своихъ советниковъ, на прѣсѣбіе то дѣло было мертвой головы. Однажды, она долго молчала и потомъ сказала, что была занята одиномъ янголомъ, въ которой любовь описывалась яркими прасками. Мариона Делормъ точно превратилась слова въ женщину и была въ восторгѣ отъ новаго романа, отъ Вольтера, котораго королева назвала своимъ камергеромъ, когда она была счастлива. Съ тѣхъ поръ, слава Орфея наполнила весь дворъ, и тѣмъ болѣею онъ прѣсѣлялся и сказанъ въ Вастиллю, тѣмъ громче раздалася его голосъ. «Духъ законовъ», «Двѣстницаніе», «Отвѣтъ семейства», «Социальной контрактъ», водворяли исхъ и Мариона Делормъ сознавалась, что каждое въ этихъ сочиненій лишно бы расудела ея любовная кардинала Ришелье, но королеву не привидѣли въ ужасъ нова ядѣ. Мертвая голова являла въ ея живую голову мысли о революціи, въ янголе же затрѣслась совѣтъ и она начала помнать многое, о чьей прѣдѣе не была сошлая. Цѣлыя ночи думала она о словахъ мертвой головы, цѣлыя дни слушала ее и не обращала никакото вниманія на то, что происходилъ вокругъ. Король то же не занимался своею супругою и проводилъ время въ маленькихъ комнатахъ Мюэтъ, Шуази, Марли. Онъ уже бросилъ привычку прѣсѣдаться съ вѣеръ при отбѣдѣ и здороваться при востроеніи. Дочерей отъ завѣрѣ въ монастырь, завѣрѣ живую и умную лодию и, забавы свои обидѣня, прѣдоставлять отечеству королеви отъ печальной судьбы.

Королева сдѣлалась похожа на тѣнь и жила тожно во свѣ. Она не узнавала своихъ друзей, не замѣтила, что ея первый камергеръ, герцогъ Вульфуръ, умретъ съ горя, что король не говорилъ съ нимъ три дня, что ея придвиженцы отдаляются отъ неа. Только герцогина де-Лонъ оставалась вѣрна своему господѣ и употребила всѣ усилія, чтобы отвѣсти ея отъ пубагого влѣнія:

— Государины, умоляю она со слезами: — вы губите нашу славу, лишаете думу, вы разстроите въ ваше драгоценное зрѣніе, вы лишаете прелестную голову; вслушайтесь совѣтъъ вашего праца.

Докторъ Гельвѣдъ началъ проствъ вѣсь возвратитѣся къ прѣжней жизни. Пожалѣйте себя!

Но Мария Лещинская не слушала ничего. Любопытна изнурала ее, а она продолжала разговориватъ съ мертвой головой.

Вѣднѣе об ѣостроеніи не надо, какъ вдругъ она была счаслива. Въ одинъ осенній вечеръ поднялась гроза и кардиналъ министр, испуганный громомъ, обѣжалъ въ комнаты королевы, надѣясь, что ето не убьетъ гроа въ ужбыннѣ добродѣтели. Кардиналъ Флери былъ большой трусъ. Онъ увидѣлъ королеву, сидящую передъ столикомъ, на которомъ стоялъ лишь съ мертвоею головою. Комната была едва освѣщена и черныи тѣни, казавшіяся ея, прѣсѣлялись надъ, черныи вырѣзанъю страдальца, что старій министръ-должеть битъ, въ первый разъ въ жизни, почувствывая раскание, потому что онъ былъ причиною горя королевы. Онъ разбѣгалъ ея счастье, отвѣкъ отъ неа куда и толкнулъ его въ объятія продажныхъ красавицъ. Теперь онъ попалъ, како совершилъ преступленіе и захотѣлъ загладитъ его хоть немого.

Вѣе несчастье, сказало онъ тихо: — позволь мнѣ, какъ духовному лицу, наговоритъ науткъ, что наа черковъ не допускаетъ суевѣрія и запрещаетъ узнавать будущее. Все мертвое принадлежатъ землѣ. И обязанъ унести эту голову и хоронитъ ее. Можеть быть, она и не достойна освещенной земли, но одна слова слеза смела съ нее всѣ преступленія в. притомъ, а прикажу зарытъ ее такъ глубоко, что она не увидитъ свѣта до страшнаго суда.

Сказавъ это, старій кардиналъ всталъ личку и скрытѣть его подъ плащъ. Королева хотѣла кричатъ, хотѣла хотъ проститься со своею печальною поутронею, но у неа не было ни силъ, ни голоса, и когда голова герцогина де-Лонъ, то ушла только подпереть Марию, задыхающуюся отъ слезъ и волненья.

Кардинала ждали въ свѣтъ, но онъ приказалъ сказать, что чувствуетъ себя не совбѣтъ здорово и побѣдилъ въ явнѣе. Невдѣ, дѣлъ обидно, чтобы кто-нибудь вѣдѣтъ много, поставилъ вѣдѣтъ и Флери сарказмъ далъ отъ стыда. Когда онъ прѣйхалъ въ ямъкъ, всѣ замѣтили, что онъ необыкновенно расстроенъ и блѣденъ. Всомогущій министръ поспѣшилъ въ свою комнату, спряталъ поспѣшишь съ головою и легъ въ постель. Дрова въ анжордадъ и приказавъ, чтобы никто не смѣлъ входить къ нему. Даже камеринеръ его Барвавъ, передъ которымъ повѣсился самъ герцогъ Лоранъ, не смѣлъ тревожить своего господина.

Никто не знаетъ, что случилось въ это ночь, только когда поутру Барвакъ вошелъ къ кардиналу, то нашолъ его мертвымъ съ мертвоею головою въ рукахъ. Семинаристъ, гулявшій ночью въ саду около ямъка, говорившій, что слышалъ стонъ и проклятія, вышедшій изъ спальни министра. Когда тѣло Флери было поднато съ постели, замѣтили, что подушка была разорвана, какъ будто ее кусали и трепали зубами.

Гробъ кардинала стоялъ въ церкви Суальиши и во время него толпились немного придворныихъ. Адавъ Кутурье и епископъ Мирнуа вернулись носы похоронѣ въ спальню кардинала, нашли тамъ мертвую голову и чорный исхъ. Они завидъ черепъ осторожно, вырвали глубокою яму въ саду и закопали его, такъ что никто не подозрѣвалъ, куда дѣвались голова, прѣдсказывавшя такия страшна судьба.

Однако, эти событія исполнялись; время шло и въ садахъ ямъка Ниси начали строить болницу для умалишенныхъ. Когда рыли землю для фундамента, зоната одио рабница ударила ея что-то твердое и вырвуть изъ яны послана съ жалобой стону. Однако, рабница, вѣсь философъ и не испугалась стона. Напротивъ, онъ началъ разглагольствоватъ, что хруснуло вѣдъ долатомъ и нашолъ обломокъ стгиногого дерева и проломленный черепъ. Онъ испуганно поспѣшилъ къ востроенію ея. Подъ что по ногу голова Мариона Делормъ вадала послѣднюю, едва слышную жалобу.

Кто изучалъ древности, тотъ не удивится преданію, что мертвая голова говорила. Голова Орфея, растерзаннаго вакханками, хранилася на островѣ Лесбосъ и говорила, какъ оракулъ.

— Въ не воемъте Трои безъ стръѣль Геркулеса, сказала она грекамъ, которые прини съ нею совѣтоваться. — Вышъ господитъ побѣдѣтъ, какъ дѣ этакъ други женщины, отбѣжала она послѣднимъ дѣ Кира.

Лактанцій видѣлъ въ Мадридѣ бронзовую голову, отбѣвшану на всѣ вопросы. Главнѣиъ Элеазаръ явилася своему поворожденнаго ребенка и положить ему въ ротъ золотую пластинку, на которой начертаны были знаки. Голо въ это время ребенъ не началъ отвѣчать на всѣ вопросы и даже Лактанцій обращался къ ней. Не знавши къ это, что есть голова, отбѣмнича чѣмъ-то особеннымъ; Сама королева Мария Лещинская была женщина необыкновенная, твердаго характера, удачна, серьезная и несчастья постигли ее рано. Двадцати лѣтъ она читала Мальбранха и Декарта. Она знала хорошо исторію, играла на многыхъ инструментахъ, шла и въ разговорѣ была любезна и остроумна. Всѣ ея лоды чествомъ мужа, котораго она любила, не вылази у ней ни одной жалобой и королеву нисколько не увасятъ, ея, дѣти дѣлила. Всѣ фаворитки, мнѣивши въ ея глазахъ, не производилъ въ ней волненія. Она не пробажала бороться съ ними, не забѣчала шпритить и допускала до себя только честиныхъ женщинъ и умныхъ мужичинъ. Она поворителствовала талантамъ, защищала университетскыя, и забыватъ всѣмъ дѣломъ, нисколько вдалась въ мистицизмъ. Притомъ, она востра любила странство, рази въ ея свѣрѣстныхъ случаяхъ и часто наивдала одно ассоциативную полюбъ, отбѣвшану только на вопросы людей добродѣтели, а поротне не могла добйтѣся отъ неа ни слова. Король, маршалъ Ришелье, г-жа Турнель и другіе прѣдочиво напрасно приставали къ ней— она отбѣчала только королевѣ и прѣдказала ей будущише ея общаго отечества.

Переходъ смертию Марию Лещинская сама объявила еяповиженію. У ея кровати сѣдѣла герцогиня короля, г-жа Мерсье. Старушка вынула изъ карма табукаря, чтобы помнать табуку, какъ видѣлъ королеву вскрисала: — Простете эту табукаря. Шъ неа холали герцогъ и герцогиня Бургундскіе въ день своей смерти.

Г-жа Мерсье рассказвала потомъ, что купила эту табукаря по случаю на воемъ въ аудиторію и хотѣла герцогиня Бургундскіе гнѣра за вѣдѣть, вѣдѣтъ до тоа, какъ Мария Лещинская сдѣлалась королевою Франціи, но дѣствительно, эта табукаря принадлежала ей. Это объяснить также трудно, какъ и говорящую мертвую голову. Да и замѣять объяснитѣ! Гамлетъ говорилъ: не даромъ:

«Есть многое въ природѣ, дѣду Германю, что и не свазалъ нашимъ мудрецамъ!»

Ворное.

Замѣчатѣльнѣе путешествие, когда-либо предпринятое по острову Борнео, совершено было знаменитомъ Юдоу Фейдлеръ въ 1852 г. Она область сѣверо-западную часть острова; много янгола и дуще слова обо всемъ, нежель много турвиста. Раджа Вурядъ далъ ей охранную свиту въ 12 человекъ, и какъ добрый на островѣ вѣтъ, то ея не разъ пріколосило прокламатъ себя по дѣствительнѣе нуть черепъ врагаа джонго. Шамъ даемъ нарочно строить такъ дома, чтобы обезопасить себя отъ нападѣнія.

Въ Синтонгѣ принялъ ея султанъ великолѣпныи обрядами, при громѣ пушекъ и при звукахъ громокой музыки. Степень народа была неизмоврѣе, потому что онъ никогда еще не видѣлъ европейской женщины.

Въ Нонгавангѣ видѣла она публичная свадъ, гдѣ собиралось тридцати и курлящихъ опита. Это было отвратительное зрѣніе, грустное и униженное для человѣчества. Это было сраженіе бесчисленныхъ животныихъ, и на людей, но эти люди считали себя самими счастливыми существами.

Въ Сарравагѣ видѣла она у каждаго воина по нисколько проволоччѣныхъ неперѣлѣемыхъ головъ. Эти трофеи переходятъ изъ рота въ ротъ, такъ и вѣнчѣтъ вѣдѣтъ сарай головъ. Замѣчатѣльно, что Два Фейдлеръ былъ въ смышъ, цѣлымъ племенемъ и обществу почелова у нихъ, аскададѣтъ ихъ, ходила по лѣсу и собирала травы и насѣкомыхъ. И когда жалѣли узнавали, что она остается изъ нихъ лекарство, то усердно помогали ей и никогда не трогали ея воеши.

На верховьяхъ Каранга посѣтила она племя ад-даномовъ. Они хожи на даювошъ и занимаются земледѣліемъ и доводопробаніемъ. Это чрезвычайно богатъ этнографическомъ. У нихъ есть вавилонѣ, гдѣ, на болыномъ столбѣ, стоитъ урод-

ливая голова их кумира, перель которым он молился и плахнул. У нихъ есть также родъ бабдеревъ, которая обзана лечь всѣхъ. Это званіе столько же удивительно, но даже знатныя женщины и дѣвушки занимаютъ его. Только при этомъ необходимо одно условіе: новопутешественная должна объявить, что въ тѣхъ ея поселился Зангазъ (ангелъ) и руководствуется ея словами и дѣйствіями.

Дѣтянами татуируютъ себя тѣло и употребляютъ стѣблы, памашины плоды. Любопытно, что это племя имѣетъ особенное уваженіе къ собакамъ и считаетъ, что она имѣетъ такую же душу, какъ и человекъ и что, по смерти пойдетъ въ рай, только въ собачій, въ себя подобнымъ собакамъ. Ея хоронятъ съ почетомъ и вышивають на могилѣ ея головы тѣхъ зѣбрѣй, въ охоту на которыхъ она участвовала.

Племя даповъ разделяется на сухопутное, которое состоитъ изъ самыхъ мирныхъ и миролюбивыхъ людей и на морскихъ, живущихъ на низменныхъ рѣкахъ и по берегамъ моря. Дома ихъ построены всѣ по одному образцу, но они огромнаго размера, такъ что если семейство не велико, то есть, не больше пятидесяти семействъ, то всѣ живутъ подъ одною крышею.

По въ этой племенной казармѣ каждое отдѣленіе имѣетъ свою дверь, которая ведетъ по лѣстницѣ на открытую галерею, установленную цинковыми изъ тростинки. Эта галерея составляется одну изъ цѣпъ сообщенія между всѣми жителями и бываетъ длиною иногда въ 600 футовъ. Дома строятъ на высочайшихъ столбахъ; крыши покрыты пальмовыми листьями.

Между отдѣльными семействами есть внутреннѣ въ домѣ двери для сообщенія. Она обыкновенно закрыта прокладкою изъ кришъ и листьевъ отенена, а на ночь закрываютъ. Вообще крыша такъ устроена, что, въ случаѣ пожара, ее можно тотчасъ же сбросить внизъ.

Галерея служитъ мѣстомъ для отправленія всѣхъ домашнихъ работъ и складовъ для товаровъ. Во всемъ домѣ устроены только двѣ кухни, по-двѣ, да омага, и всѣ обязаны приготовить тамъ пищу. Противъ огня приняты чрезвычайныя предосторожности. Впрочемъ, пища состоитъ изъ одного вареного риса. Столовъ и столовъ нѣтъ; ложка и вилочка тоже: ристъ береть руками, а котомъ пригорюю соли. Вилочка, тарелочка тоже нѣтъ; ристъ приносить на большихъ пальмовыхъ листьяхъ.

Двери въ всѣхъ открыты и задвигаетъ, запоромъ не употребляютъ; о воронствѣ здѣсь никогда не слыхали.

Процессъ Эбергени и Хоринскаго.

Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ процессовъ, на дѣхъ опоненныхъ и для сообщенія отправленныхъ; онъ приобрѣлъ въ послѣднее время такую важность, что даже нашъ «Судебный Вѣстникъ» привелъ его.

Обвѣненная Юлія Эбергени, фон-Телезея, почетная дама, членъ дворянскаго института въ Брюнѣ, дочь известнаго венгерскаго магната Викторъ Эбергени, родилась 9-го февраля 1842 года въ Сеченѣ. Трехъ лѣтъ пріѣхала она съ матерью въ Пештъ, двѣ года въ воспитательномъ дворѣ Шрефа, потомъ, когда ей минуло 16 лѣтъ, возвратилась въ отцовскій домъ. Тамъ оставалась она до января 1867 г. и ушла изъ него противъ воли отца. Она отправилась въ Вѣну къ своей престоупной матери, баронессѣ Серенгѣ, которая, впрочемъ, не долго ее у себя держала, потому что она слишкомъ много принимала гостей. По той же

причинѣ выехала она изъ дома Клары Штейнхейтеръ и до 3-го августа жила у г-жи Гумбергъ, а въ этотъ день переехала въ Крутер-Штрассе, № 13-й. 6-го іюля получила она званіе почетной дамы въ бруксскомъ учебномъ заведеніи и орденіе знаки этого званія, 19-го іюля, внесла значительный вкладъ.

Жертва Эбергени, Матильда Рувей, родилась 16-го мая 1833 г. въ Мюнхенѣ, а въ 1808 г. поступила на театр въ Липси, гдѣ познакомилась съ офицеромъ замѣтнаго гарнизона, графомъ Густавомъ Хоринскимъ, съ которымъ жила въ самой интимной связи. Въ 1860 году Хоринскій поступилъ на службу въ панскую армию и Матильда послѣдовала за нимъ въ Анкону, гдѣ, перейдя въ католическую вѣру, поставлена на томъ, чтобы Хоринскій въ ней женился. Послѣ сраженія при Кастельфидарто родилась у нея дочь, которая, впрочемъ, вскоре умерла. Любопытныя обвѣнчаны въ Римѣ, но скорѣю поссорились и отравились въ Гейдсбергеръ, а оттуда въ Нанси, гдѣ графъ Хоринскій оставилъ свою жену и она возвратилась въ Брюнъ къ отцу. Тамъ она завела опять любовную связь и два раза жена застала ее съ разными лицами. Въ 1864 г. принять быть оупъ въ австрійскую службу, участвовать въ походѣ противъ датчанъ и въ 1866 г. раненъ былъ при Кенігенбергѣ. Жену его, между тѣмъ, привини

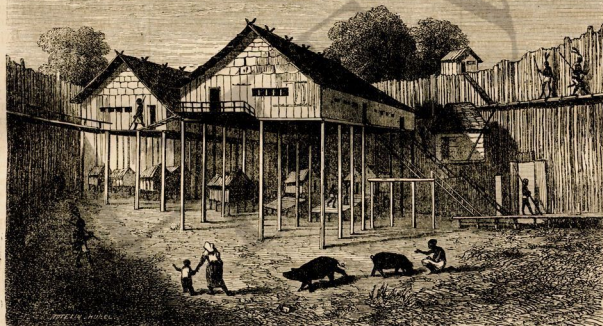
лась запертою, то ее отворили и нашли трупъ графини, лежавшій между софой и столомъ. Произведенъ былъ медицинскій осмотръ и оказалось, что она отравлена посредствомъ снуродистаго кали, а какъ всѣ обстоятельства говорили, что не могло произойти ни самоубійства, ни убійства съ цѣлью грабежа, то подозрѣніе пало на даму изъ Вѣны, бывшую у нея въ гостяхъ. Собраны были свидѣнія въ трактирѣ «Четырехъ времени». Дамъ была такъ замѣчена похъ именовъ баронесса Марія Фабъ, пріѣхавшей туда 20-го ноября, а въ слѣдующій день, въ семь часовъ, возвратившейся въ спальню волненъ и ухавшей въ Вѣну.

Графъ Хоринскій получилъ объ этомъ извѣстіе черезъ поліцію и 15-го ноября, съ синомъ своимъ, Густавомъ, похалъ въ Мюнхенъ. Отправилось, что Густавъ недавно дѣлалъ запросъ въ поліцію о жителей съ умершаго графини. Поведеніе его было очень странно; онъ заупулся въ противорѣчіяхъ и, видимо, выказываясь неспособенъ въ убійствѣ женою. Мюнхенское начальство нашло нужнымъ взять 26-го ноября Хоринскаго подъ стражу. У него нашли нарисы фотографіи и портретъ подозрѣваемой баронессы Марія Фабъ, которую онъ называлъ почетною дамою заведенія, Юлію Эбергени, и сознался, что находится съ нею въ связи. По телеграфу потребовали изъ Вѣны власти ея подъ стражу и 27-го ноября, вечеромъ, она была арестована, она тогда арестована въ то время, когда сидѣла за чапнымъ столомъ со своимъ сыномъ и разсказывала той что-то забавное. По судебному слѣдствію пали на нее такіе подозрѣнія, что поргаторъ объявилъ ее виновною въ убійствѣ.

22-го апрѣля начался публичный судъ въ Вѣнѣ. Въ главѣ судимыя была Гузалинъ, обвинена въ преступленіи противъ Швабъ, защитникомъ былъ докторъ Нейда, президентомъ суда пріезжалъ наводорный совѣтникъ Шауствъ. Въ недостатокъ часу утра обвиненная была приведена въ присутствіе и отвѣчала на всѣ вопросы очень способно.

Въ привинди на дѣлѣ по ея словамъ, она не имѣла никакого она носила въ Мюнхенѣ, а именно: черное шелковое; на шеѣ нѣтъ шокъ мойкой голубой платокъ, Впечатленіе, произведенное ею появленіемъ, было неблагоприятно встрѣчено публикою. На вопросъ президента: можетъ ли она оправдаться? она отвѣтила: «Нѣтъ!» на слѣдующій вопросъ, оказалось, что въ 1867 году, въ май, она случайно познакомилась съ графомъ Густавомъ Хоринскимъ, который на другой день навѣстилъ ее и скорѣю пошелъ въ связь съ нею. Впрочемъ, онъ ей сказалъ, что женить, но оба надѣялись, что, переживши вѣру, они получатъ разводъ, допускаемый въ такихъ случаяхъ каноническимъ. Графъ хотѣлъ выйти въ отставку, а она получала содержаніе отъ родителей. По судебнымъ свѣдѣніямъ, она могла оцѣнить нѣсколько въ 20,000 гульденовъ послѣ смерти отца. Юлія объявила себя неспособною графа Хоринскаго, который и просилъ ее руги и отговора, объявляя готовность жениться на ней. Ея родители были на противъ ихъ и пріѣхали въ Вѣну познакомиться съ графомъ.

Въ писемъ своихъ Хоринскій писалъ, между прочимъ, отъ 9-го августа: «Всего я долженъ на себя жениться», но чтобы для этого должна была умереть графиня Матильда, въ этомъ обвиняема постоянно отрицалась. До іюля имѣла она, провѣзъ Хоринскаго, еще одного любовника, который потому бросилъ ее, видя, что не собирается имѣть значительнаго. Сама же Эбергени сказала, что прервала эту связь изъ любви къ Хоринскому. 28-го августа была у него менскаго врача Шлезингера, думая, что беременна, и требовала также помощи одной повивальной бабки; она хотѣла въ

Жилища даюковъ на островѣ Борнео.

ея родинѣ. Она жила въ одномъ домѣ съ Хоринскимъ, получившимъ званіе правителя Нижней Австріи и, какъ судится, чувствуя къ ея письма, возобновила съ нимъ супружескія отношенія. Родители Хоринскаго хотѣли, чтобы раненый сынъ жилъ съ ними имѣсть, но тотъ охотъ не захотѣлъ жить со своею женою. Графиня Хоринская выехала 1-го мая 1866 года изъ дома своей тещи, названнейшей ей несию, и до апрѣля 1866 г. жила въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, у Элиза Гартманъ, въ Вѣнѣ.

20-го и 21-го ноября 1867 года познакомилась она съ одной дамою, явившеюся въ ней такой женщиною и объявившею, что она распустила со своимъ мужемъ, потому что онъ съ нею трудно обходился и задожилъ ея брилліанты. Хозяйка своей графини Хоринская сказала, что дама эта похлетъ съ ней въ театръ и что она потомъ пригласила ее въ чай. Гости пріѣхали въ четыре часа пополудни, а въ шесть часовъ г-жа Гартманъ, у которой графиня попросила бинюль, въ послѣдній разъ видѣла Хоринскую. Графиня просила на дѣхъ ей дрочи въ театрѣ. Г-жа Гартманъ съхлала это, но возвратилась, черезъ нѣтъ минутъ, нашла, что квартира ея жилища заперта и подогнала, что обѣ дамы отравились въ театрѣ плькомъ. Хоринскую нитно не видѣть и на слѣдующій день, и тогда, 23-го ноября, квартира ея остава-

травить ребенка, но не согласен на этом передать гроб. Под влиянием модистки Марии Эрнст, друга отца она яду против гроба, а потом через фотографа Антлера и спиритиста Калли.

К числу хитростей ее принадлежит свидетельство о мнимой смерти графини Матильды, предвещаемое ее родными, также попытка послать ей отравленные конфеты. Въ разговоры съ Хоринским был также два офицера: Раммахер и Дрессель. Обвинение въ отравлении Эбергени принадлежало наперво-то Горлату. Отъ губернатора Агнеси Мерло доставля она письмо къ графини Хоринской и писала въ Мюнхен къ графу: «Я отдала рекомендательное письмо отъ сестры, но она сказала, что она Эбергени утверждала, что она могла рекомендательное письмо. Черезъ Хоринского получила она 200 гульденов, изъ которыхъ одну часть съела отдала Горлату, а другую Раммахеру, потомъ получила черезъ графа два паспорта за имя баронессы Марии Фай и Виктории Горлат. Брата своего Стефана хотѣла она убѣдить, чтобы он присягнулъ о ней пребывая въ родительскомъ домѣ съ 19-го по 22-ое ноября, тогда какъ Хоринский долженъ былъ хлопотать у своего дяди замѣть процессъ въ самомъ началѣ.

Въ письмѣ въ Мюнхенъ отъ 20-го ноября, Эбергени между прочимъ писала Хоринскому: «Я боюсь, чтобы ты не перемѣнилъ порочность». Если сказать какое это порочие: «Простые сочные нероссы, отбѣгла она»; но даже въ письмѣ говорила: «Ты мнѣ казался, что не поодишь ее, а между тѣмъ, мнѣ досадно, что ты такъ ласково пишешь объ этой канальѣ. Неужели эта стерва тебя еще интересуетъ?». Въ подробныхъ возмутительныхъ выраженіяхъ говорить и Хоринскій о своей женѣ и безпрестанно прибавлять, чтобы Эбергени не проболталась.

23-го апрѣля произвождъ допросъ свидѣтелей. Въ особенности являлись были показаны офицера Раммахера и студента Миклуха, которые признали предметы, найденные у Эбергени, принадлежавшими дочеру графини, чайникъ и печать ее. Чайникъ она унесла, вѣроятно, для того, чтобы скрыть слѣды отравления Хоринской.

Въ засѣданіи 24-го апрѣля графъ Густавъ Хоринскій старался оправдать себя въ содѣяніи къ умышленно своей женѣ, а 25-го апрѣля прокуроръ Шмидель представлялъ весь ходъ процесса. Графиня Матильда должна была умереть, потому что мужу ее нужны были 600 гульденовъ, которые она отъ него получила ежегодно. Онъ обвинялъ жениться на Юліи Эбергени и формально обратился съ нею 14-го сентября, испрошивъ на это позволеніе своего отца. Шагъ за шагомъ представлялъ ораторъ преступниковъ до совершения убійства, отъ котораго Эбергени безпрестанно отпиралась. Хотя она сдѣлала видимо внушеніемъ своего обвинителя, но, вѣстай, очевидно совершила убійство и по законамъ осуждалась за это къ вѣчному.

Замѣтивъ, ее докторъ Нейда, долженъ былъ приехать съ суду доказательствъ и только объявить, что по случаю несоннаго въ видѣ, она не заслуживаетъ казни. Хоринскій невинилъ жену и оправдывалъ тѣмъ, что она измѣнила ему и родила ребенка отъ студента Миклуха. Судъ, однако, признавъ виновною Эбергени и приговоривъ ее къ вѣчной дѣятельности и къ 20-ти-лѣтнему тюремному

Графиня Матильда Хоринская.

заключенію. Обвиненная покорилась приговору, но отъ нее подала апеллю. Прокуроръ, со своей стороны, прирекъ къ суду Хоринскаго, какъ сообщику убійни.

Процессъ Эбергени представлялъ картину безразличности высшаго общества.

22-го іюня мюнхенскій уголовный судъ рассмотрѣлъ дѣло австрійскаго поручика, графа Густава Хоринскаго. Графъ одѣтъ былъ въ мундиръ и владѣлъ, возоси тщательно причесанна, лицо омылось до банниками; на одномъ изъ пальцевъ дѣвой руки блестѣлъ массивный изумрудный перстень. Онъ взошелъ развѣсно и весело, раскладывая шляпу съ стороны, держа въ рукахъ черную толковую нашивку и спросилъ полицейскаго, куда ему идти. Возлѣ него побѣдилась ландмаръ. Графъ тотчасъ вступилъ въ разговоръ съ своимъ защитникомъ и вообще держалъ себя такъ, какъ будто находился не въ залѣ въ гостяхъ. Предъ выборомъ присяжныхъ, президентъ предложилъ ему общіе вопросы, на которые онъ отвѣчалъ громкимъ и твердымъ голосомъ. Изъ его отвѣтовъ оказалось, что онъ 36-ти лѣтъ отъ роду, сынъ губернатора Нижней Австріи, поручикъ австрійскаго службы. Поступилъ онъ на службу 16-ти лѣтъ и вышелъ въ отставку 20-го марта 1859 году. Потомъ снова вступилъ въ пещеръ мѣсяцъ. Причиной похода въ отставку были долги. Въ австрійскій арміи онъ имѣлъ чинъ поручика, вышелъ изъ нея опять въ отставку 16-го марта 1860 года, вступилъ нѣсколько дней спустя на службу въ панскую армію, былъ вѣтъ въ лѣтъ итальянцами при Бастель-Филдарту, успѣлъ бѣжать безъ посторонней помощи, снова попалъ въ плѣтъ рунъ, былъ отнесенъ въ Флоренцію, откуда вносивъ-дѣстѣй отправился въ Вѣну и вступилъ въ 9-й стрѣлочный егерскій батальонъ. Затѣмъ, протоколы прочиталъ обвинительный актъ и показанія свидѣтелей. Графъ не разъ пребывать чтеніе показаніями и, несмотря на убѣщанія адвоката, тоталъ неопианъ, стучалъ кулаками по столу и яростно не признавалъ находящійся въ его рукахъ обвинительный актъ. Слова: «Юлія Эбергени почувствовала признаніе преступности и сообразовалась съ врачомъ Шмидельротомъ, выдавая себя за графиню Хоринскую», принеи его въ бѣшенство. При чтеніи же писемъ, въ которыхъ онъ умоляетъ своихъ родственниковъ выручить его изъ бѣды и убѣждать, что, въ случаѣ нужды, готовъ даже поступить въ монастырь, онъ громко смѣялся и вообще произвелъ самое неприятное впечатлѣніе.

Затѣмъ, былъ введено 35 человѣкъ свидѣтелей, въ которыхъ большая часть давала показанія на процессъ Юліи Эбергени. Президентъ объявилъ подсудимому, что его обвиняетъ въ убійствѣ его женѣ, графини Матильды Хоринской, и что въ рукахъ его находится писма подсудимаго, доказывающія, что онъ женился по собственной охотѣ, а не обманомъ. Подсудимый не отрицалъ этого, но убѣждаетъ, что это произошло тогда, когда ему не было извѣстно многое, а именно: что она была еще прежде въ любовной связи, что она не дѣвичьего происхождения, что мать ее пользуется дурною репутаціею, что у нея нѣтъ состоянія. Все это привело его въ негодованіе. Президентъ прочелъ писма графа Хоринскаго къ бывшей артисткѣ Матильдѣ Рувей, отънажившая тѣмъ же легкомы-

слѣемъ, дѣшнымъ, восторженными восклищеніями, какими отличаются и послѣдующія письма его къ Эбергени. Подсудимый призналъ эти писма своими, и наговоръ президента, признался, что имѣлъ связь съ баронессой Швейгертъ и Маріей Готтвинъ; послѣдняя связь продолжалась съ 1863 до начала 1867 года, но она писала къ ней нѣсколько писемъ въ ноябрѣ 1867 года, потому что былъ ей должникъ 100 гульденовъ, и хотѣлъ расчистить счеты, чтобы выплатить долгъ. Съ Юліей Эбергени онъ познакомился и вступилъ съ нею въ любовную связь въ май 1867 года. Рассказавъ подробно о своихъ отношеніяхъ къ Эбергени, онъ объявилъ, что хотѣлъ жениться на ней и считалъ это возможнымъ въ томъ случаѣ, если бы онъ перешелъ въ протестантскую вѣру. Тогда онъ развелся бы съ женой, потому что любилъ Юлію больше всего въ жизни. Далѣе, онъ признавалъ, что просилъ у отца Юліи Эбергени руки ея, ѣздилъ къ нему нарочно съ этою цѣлю, объявляя, что переѣдетъ въ протестантизмъ и устранитъ все препятствіе. Все это было неизвѣстно его родителямъ; Юлія же не знала, что онъ женатъ, и онъ ей сказалъ объ этомъ только послѣ довольно продолжительнаго знакомства, потому что раньше не представлялось случая събѣжать это. Причиной развода онъ называлъ то, что во время его бѣднѣи: жена его шѣла связь съ другимъ лицомъ. Президентъ повалъ подсудимому вѣру, въ которой былъ отосланъ раньше на сахаръ пладомъ, и спросилъ его, для чего она предзнаменовалъ? На это тотъ отвѣчалъ, что Эбергени повсюду она посылать жемчѣ что-нибудь, что бы разосядало и испугало ее; онъ согласился на это, но ему было неизвѣстно, что именно положили въ коробку, которую онъ не замѣтилъ и не отправилъ на почту. На вопросъ, зачѣмъ коробка была отправлена сначала въ Врону, подсудимый запнулся и пробормоталъ какіе-то безсмысленныя слова. Когда председатель объявилъ подсудимому, что при химическомъ анализѣ захваченные пиломъ оказались отравленными свѣтлымъ и сказалъ, что не знаетъ, кто зѣвалъ Юлія вынесла минута.

Отвѣтъ подсудимому оказался вообще весьма неудовлетворительнымъ. На много вопросовъ онъ не могъ дать никакого отвѣта, утверждалъ, что многое было неизвѣстно, отвергалъ всякое сообщеніе въ убійствѣ своей женѣ и убѣждалъ, что ничего не подозревалъ о немъ. Между тѣмъ, мѣста въ его письмахъ содержатъ ясныя указанія на его вину и вызвали убѣжденіе, что обвиненіе совершенно основательно. Способъ защиты подсудимому, и вообще его запущенное развращеніе, проявилъ неблагоприятное впечатлѣніе на публику. Онъ самымъ рѣшимымъ образомъ отпирался отъ извѣдома на него преступленія и утверждалъ, что и Эбергени не совершила убійства. Въ заключеніе допроса подсудимаго, президентъ спросилъ его, ринется ли онъ, въ виду подобныхъ доказательствъ, утверждать, что онъ невиненъ и получить въ отвѣтъ «да», сказанное самими допрашиваемыми. Затѣмъ, судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Въ засѣданіи 23-го іюля были приглашены, въ качествѣ экспертовъ, нѣкоторые изъ извѣстныхъ вѣдущихъ химиковъ и физиковъ, которымъ предстояло рѣшить вопросъ о вѣроятности преступ-

Графъ Густавъ Хоринскій.

Юлія Эбергени.

Атмосфера будет холодно тамъ, гдѣ замкадулду летитъ. Принимъ само человѣчье тѣло, это элементъ живянаго процесса (обращенія крови), имѣетъ внутри около 30° Р., а на поверхности кожи 19°, а въ послѣдняя температура дѣлается необходимою для человѣка, который старается допустить въ одеждѣ зимней или вѣтрянъ, кѣто летовой, не свыше 20° Р., или начинаетъ уже погибть; такъ же 19-ти, даже при легкой одеждѣ, тѣло начинаетъ чувствовать озабѣ.

Другое свойство телота состоитъ въ распространеніи еа между тѣлами въ такой степени, чтобъ вездѣ еа было по-ровну. Впрочемъ, для этого надобно, чтобъ переходъ еа изъ одного въ другое тѣло былъ совершено свободенъ. Мы знаемъ, что солнечный лучъ составляетъ по 28,000 вѣсь въ секунду и одинъ лучъ дается тысячъ сѣтявъ, а другой приноситъ и теплоту; следовательно, и телота имѣютъ ту же скорость, какъ и сѣтъ. Земной же теплотой дѣйствуютъ очень медленно. Поставте желѣзный пруть въ 20 дюймовъ длины въ располщенный свинецъ, и противоположный конецъ прута начнетъ нагреваться не прежде, какъ черезъ четыре минуты, то-есть, по $\frac{1}{4}$ дюйма въ секунду.

Думае сѣтъ, что и теплцца лучей солнца, поучаетъ ны отъ этого сѣтъ еа темнее лучей солнца. Мы ихъ не видимъ, но въ солнечномъ спектре видимъ химическое дѣйствіе этихъ лучей. Сверхъ того, мы знаемъ, что каждый призматическій лучъ имѣетъ свою степень телота, а именно, теплые лучи производятъ всего больше теплоту. Это убѣждаетъ насъ, вопервыхъ, что хотя сѣтъ и телота производятъ отъ одного источника (солнца), но что теплоту еа въ тѣло не могутъ быти сѣтями еа и что очень много състойтвъ съ тою теплою космическую матерію, которую наполнено мировое пространство. Только такъ какъ мы знаемъ, что эта матерія имѣетъ 50° Р., то очевидно, что лучъ солнечной фотосферы имѣетъ свойство увелачивать съ собою эти теплые лучи такъ-названнаго зѣтра и приносить въ нашу атмосферу и на поверхность земли въ разное количество лучей, отчего нѣтъ жары и холода. Любопытно, что солнечный теплотой лучъ и слына проходитъ сквозь стекло, такъ что оно остается холодно; земной же теплотой, напримеръ, огонь каміна почти не проходитъ сквозь стекло, а нагревая его, оставляетъ въ холодѣ предметы, находящиеся за нимъ. Только обыкновенный огонь проходитъ сквозь стекло и электрическіе сѣтъ, то-есть, тотъ, который болѣе всего сѣтъ съ собою имѣетъ. Впрочемъ, лучи теплоты по тѣмъ же законамъ отражаются, преломляются и уклоняются, какъ и сѣтъ. Этому свойству обязаны мы явленіемъ собиранія лучей въ фокусъ зажигательныхъ стѣколъ и зеркалъ.

Металлическіе поверхности лучше всего отражаютъ лучи теплоты, а поглощаютъ ихъ хуже; стекло поглощаетъ ихъ лучше, а отражаетъ хуже. Тяжелъ прозрачатъ и темные шифты одинакового рода, тѣмъ, чѣмъ темнее поглочаютъ они теплоту. Въ земнй солнечной день положивъ на тѣло и на листъ доскухъ сукна разныхъ видовъ, и мы увидимъ, что подъ короткою или скорее всего расплещетъ. Вотъ отсюда и черепомъ плодородствъ, поглощая въ себя всѣ солнечные лучи, тогда какъ лавиастая почва отбрасываетъ ихъ.

Всѣмъ тѣло на землѣ поглощаетъ лучи теплоты и испускаетъ ихъ, такъ что пріобрѣтаетъ и теряетъ способность поглощать; но какъ отъ земли температура нашей атмосферы ничто не выплываетъ, значитъ, теплые лучи солнечнаго теплоты возвращающе въ общій свой элементъ—міровую зѣтру, откуда вновь, увелачиваемъ сѣтвыми лучами солнца, продолжающа въ каждый время оледотвореніе организма телота по планетѣ.

Такимъ образомъ, всѣ земляна тѣла служатъ проводниками телота, но иныа зѣтъ, друга лучше. Есть постепенность проводности: сѣребро, лозото, зѣло, олово, платина, желѣзо, сталь, свинецъ; даѣе идутъ каміа, начиная еа самыхъ твердыхъ: вѣтоть стекло, фарфоръ, глина; наконецъ дерево: оно очень дурной проводникъ телота; перья, шкура, шерсть, волосы—еще хуже, а потому и употребляютъ преимущественно на зимнюю одежу, хотя не производятъ сама никакого телота, а только препятствуютъ утеченію тѣлесной телота.

По степени воспримчивости телота разными тѣлами, физики условились раздѣлять еа на спе-

цифическую и на относительную. Если, напримеръ, сѣтъ имѣетъ двѣ одинаковыя единицы разнхъ температуръ, то слыта масса будетъ показывать по термометру ровню среднее число двухъ прежнихъ температуръ. Одинъ фунтъ воды въ 60° Р., слитый съ фунтомъ воды въ 20° Р., понадетъ резултатъ—40° Р. Но составна жаровна жидкости, является совсѣтъ другое. Напримеръ, одинъ фунтъ воды въ 34° Р. съ фунтомъ ртути въ 0° Р. дадутъ температуру не въ 17° Р., а въ 33° Р., то-есть, вода услынала ртути только 1° теплоты и возвысила еа на 33°. Следовательно, количество теплоты, нужнаго для возвышенія воды на 1°, равняется такому количеству теплоты, которое возвышаетъ температуру ртути на 33°. Прочаяа слыта еа разнхъ тѣлахъ, окажетъ, что нѣтъ почти одинаковыхъ тѣлахъ, которыми соединене температуръ даю бы среднюю цифру, то-есть, каждое тѣло требуетъ боаѣ или менше теплоты, чтобъ быти доведеннымъ до одинаковой температуры съ другимъ тѣломъ, и эта телота называется специфическою, а разность между ними названа «относительною теплотою».

Въ химическомъ словарѣ Клапроута есть таблица всѣхъ тѣлахъ, съ обозначеніемъ ихъ специфическаго телота. Принимая за емъ = 1, дѣтъ будетъ имѣть 0, водото = 0,02, телотыа тѣло = 0,7, азотодный газъ = 3,2, углекислый газъ = 0,2.

Опредѣляя такимъ образомъ специфическую теплоту и относительную, мы не можемъ еа опредѣлять абсолютной, потому что не знаемъ тѣлахъ, котрыя бы лишены были всякой телоты.

Есть еще такъ-названнаа «спиртаа телота» (latens). Если фунтъ сѣтъ въ 0° Р. смѣшавъ съ фунтомъ воды въ +60° Р., то сѣтъ мгновенно растаетъ, а смѣсь будетъ —0°; следовательно, вода потерела всѣ 60° телоты, но сѣтъ не возвысился въ температурѣ, а только растаялъ. Если 6 фунтовъ воды въ 10° Р. смѣшавъ съ фунтомъ сухой холодной воды, доведенной до 0°, означится же замерзнетъ при температурѣ въ 0° Р. Следовательно, дѣтъ еѣтъ вода, лишеной спиртой телоты въ 60°, а вода еѣтъ, но на 60° спиртой телоты. Вообще переходъ тѣла изъ твердаго состоянія въ жидкое и обратно, требуетъ сильныхъ переизмѣнъ въ температурѣ, и слыте тѣла называютъ иногда совершенно сосаѣтъ тѣла. При возвышеніи температурѣ льдо обрываетъ, и растаиваетъ, тогда еа предельно-го понесенія 50° Р. испаряется совершенно, даже металы, а также слыте снѣгу въ жидкой температурѣ, то же при успленіи еа (посредствомъ гальваннческыхъ батерей) испаряются въ пары и газы, соединяясъ съ окружающимъ воздухомъ.

Любопытно, что человѣкъ можетъ выдержать весьма высокую температуру. Имя собственнаго телота 50° Р., онъ при возвышеніи еа въ атмосферу, начинаетъ видимо страдать, и только искусственныя охлажденіемъ старается поддерживать свои силы. Въ обыкновенномъ понесенія 50° Р. слыта и ижде нѣтъ составляютъ градусы — градусы, при которыхъ онъ можетъ поддерживать свое существованіе. Вода кипитъ при 80° Р. и человѣчье тѣло не можетъ выдержать приносеннаго этой температурѣ; по постепенно еа и въ ибкотои предосторожности путешественники случались въ кратеръ огниащайшихъ горъ до такой глубины, на которой термометры показывали 107° Р. Англичане чиниле Фортландъ въ 1826 г. выдержали 8 минутъ въ коматѣ, доведенной до 101° Р., даѣе альпо тотчасъ же прекосаеъ, а говядина жарилася дѣйствіемъ на нее разувательныхъ мѣховъ. Въ соленыхъ колахъ въ Галлеи люди рабаютъ при 92°, а въ рудникахъ Тейнхейхъ при 53° Р.

Искусственное произведеіе холода производится обыкновенно смѣшаніемъ соли, слыты и шапата съ водою. Напримеръ, 5 частей шапата и 5 частей соли даѣтъ холода въ +41° Р., понадетъ температуру еа въ—12°, 8 частей галабуровой соли и 5 частей слыты еа даѣтъ же болѣе холоднаго воды даѣтъ—14°. 3 части соленаго известка съ 2 частями сѣтъ даѣтъ—36°. 1 часть сѣтъ и 1 часть слытыа соли протоводятъ—35°. 3 части солена-кислой известка и 1 часть сѣтъ—17°, а 10 частей сѣрыа кислоты съ 8 частями слытыа—55°.

(Одъ слѣдующаго №).

БИБЛИОГРАФІЯ.

«Кеснір» въ переводѣ русскихъ писателей. Т. IV.—Радишевъ и его книга—«Словеность въ образахъ», Возвозовъ.

Четвертое издание закончилоса издание Кеснира въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей Н. В. Гербеля. Въ настоящее время, когда пять тысячъ экземпляровъ этого издания почти распроданы, едва ли найдется на Руси человекъ съ именемъ незнакомымъ; по крайней мѣрѣ, всѣмъ видѣть его, или даже и просматривать. Но прочли его, вѣроятно, немногие; иди не читали вовсе, то знаютъ Кеснира въ видиники, другіе—ссылаясъ на то, что читали изъ прежнихъ переводовъ, третью не прочли почти, что не одобряли. Впрочемъ, новое издание Кеснира расчитано, не столько на публику, сколько на изучающихъ и учащихся. Это предположеніе оправдывается тѣмъ, что каждому произведенію Кеснира въ новомъ переводѣ предпослана статья съ комментаріями. Ни объяснительныхъ статей, ни комментаріевъ публики не прочтеть, но для человѣка, специально интересуеагося литературой, эти статьи и особенно комментаріи дадутъ много выгоды. Они увелачиваютъ источникъ, изъ котораго Кесніръ черпалъ содержаніе своихъ драмъ, какъ они разннвали или измѣняли, смягчали, переначивали это содержаніе; изъ комментаріевъ узнаемъ о существованіи въ Англіи того времени такихъ обычаевъ, о которыхъ и слышать не приходилось; увидимъ, какъ тѣсно связаны дѣятельность Кеснира съ дегенерациою поэзіиа народа, и какъ, въ то же время, Кесніръ приравнявалъ еа къ поэзіиа народа, вводи въ свои драмы комедіи, ятланіи снени, отгначавшая грубымъ, а иногда и циническимъ остроуміемъ; какъ, наконецъ, онъ старался сваяать такого рода сени съ общимъ ходоиъ драмы. Новое издание Кеснира даѣтъ возможность взглянуть на Кеснира не только какъ на мірового генія, но и какъ на поэта своего времени и своего народа.

Въ предисловіи имѣемъ оглашеніе перваго яношенія произведенія, катова «Дѣла героина», «Бювета ошибкѣ» и «Слезнаго усаденіа любви», отчасти произведенія совершенно зрялыа, какъ «Отмѣбеліе», «Зимняя сказка», «Міра за мѣру». Изъ этого видно, что въ изданіи нѣтъ системы, нѣтъ хронологическаго порядка. Конечно, этого нельзя ставитъ въ упрекъ издателямъ, и разумеется, нечлалъ бычелъ то, что было въ рукахъ. Нельзя, однако, думать, что настоящее издание Кеснира не даѣтъ повторно, и въ иномъ случаѣ, при которомъ изданіе нельзя не пожелать хронологическаго порядка, отсутствіе котораго въ настоящемъ изданіи составляетъ серьезное затрудненіе для желающаго взглянуть на Кеснира.

Для чего только на книгѣ выставлена редакция П. Ксеровна, знающаго англійскій языкъ такъ же, какъ и русскій, и ровню имѣющаго въ редакціи, принашавшій этому мы помытъ не можемъ.

Небольшая книжка «Радишевъ и его книга», изданная и редакторнаго неизвестно кому, вѣроятно, тоже господиномъ въ родѣ г. Ксеровна, уничтожившаго въ ней всѣ рѣзкія мѣты, не удовлетворять главному условію, вою котораго нельзя и принимать за изданіе такого бы то и былъ историческаго напечатанія. Это условіе—добросовѣстное изданіе. Кто выдержалъ Фофанова, Каткверъ, В. Майкова въ новомъ редакторномъ видѣ, Е. Бременовымъ, изданія Галуакова, тотъ, конечно, замѣтитъ, что издатель и редакторъ не распорядился по своему произволу ни съ одной строчкой этихъ писателей, и съ другой стороны, ни строчки не оставилъ безъ объясненія. Изданія г. Ефремова дѣйствительно полезно и поделна.

Но составитель вышеноменованной книжки издатель «вѣтѣжжъ» изъ «Путешествія» Радишева, вслѣдствіе чего Радишевъ читатель получитъ поперечное понятіе. Книга издана чисто, хотя съ болѣшими опечатками.

— На ряду съ матеріалами для изученія исторической эпохи, слѣдуетъ конуситъ книги, которые могутъ служить подготовительнымъ руководствомъ къ болѣе серьезному изученію. Книга эта принадлежатъ Возвозову и расчитана не столько на учащихся, сколько на педагоговъ. Третьею не знакомымъ является г. Возвозова явленіе еа «Словеность въ образахъ», поделнаго изданія вѣтъ вѣтъ сухую, налота теорія словености

сти. Но, посмотрите, что сдѣлать изъ этой сухой матеріи г. Водовозовъ. Онъ не выставляетъ требованія читать ученика семинарское школанство. Каждое теоретическое опредѣленіе составляетъ у него только канву, которую онъ раздѣляетъ примѣрами, собранными не кое какъ, а подосланными въѣздъ нѣкоего направленіе, общае всей книгѣ. Обладая, напримѣръ, что такое описание, онъ въ приводимыхъ нѣтъ затѣвъ примѣрахъ, противопоставляетъ Пушкина, какъ простаго туриста, С. Максимова, какъ серьёзнаго этнографъ. Вотъ, напримѣръ, что говорить онъ объ описаніи Пушкинскимъ присасіенскихъ степей: «Мы находимъ у автора одиѣ бѣглия замѣтки: онъ ѣдетъ не съ дѣлью изучить страну, а такъ; для развлечения. Между тѣмъ, тутъ можно бы замѣтить много важнаго и любопытнаго. Наука обладала намъ, какъ въ недавнишаго времена на мѣстѣ степныхъ пашпашъ, было морское дно, лѣтъ дѣйсвеннѣе подемнаго пара выдвигалась на поверхность земли. Въ степяхъ есть свои растительности, свои животныя (Пушкинъ упоминаетъ только объ орахъ, да козахъ). Горы съ ихъ дивою красотою, которая напомнила Пушкину картины Рембрандта, скоро ему приглядѣлись и надоели; но сколько-нибудь знакомой съ наукою наблюдателя съ возрастающимъ любопытствомъ взглядывался бы въ формы и составъ скалъ, замѣчалъ бы разныя горныя породы, образование и дѣйствіе ледниковъ, потоковъ и снѣжныхъ обваловъ». Но, можно бы, возразить, что ученикъ, случается, не знаетъ, что такое ледникъ, какія бываютъ формы скалъ и составъ ихъ. Водовозовъ имѣть въ виду это возраженіе. «Преподаватель—говоритъ онъ—можетъ указать воспитанникамъ на описаніе степей горы, долины въ хорошихъ учебникѣ географіи или самъ разскажетъ о природѣ что-нибудь существенное, руководствуясь, напримѣръ, книгоу Гиттера». Такимъ образомъ, прѣдвы теоріи словенности далеко расширяются. Напротивъ: ученикъ, котораго повелудъ въ направленіи, указанномъ Водовозовымъ, не удовлетворится кажимъ-либо поверхностнымъ описаніемъ, случается, не это направленіе научитъ относиться критически къ читаемому. Вотъ, напримѣръ, что отвѣчаетъ Водовозовъ на вопросъ: «Какой характеръ въ преподавателѣ въ путешествіи?» «Мы желаемъ — говоритъ онъ — чтобъ путешественникъ не былъ празднымъ и разсѣяннымъ зрителемъ, а внимательно наблюдалъ всего, что встрѣчалось ему на пути, чтобъ онъ описывалъ не только то, что случайно попадалось ему на глаза въ минуты прогулки, предпринятой для возбужденія аппетита, а самъ прилежно искалъ бы предметовъ для наблюденья, и чаще его замисли будутъ годны развѣ только для его друзей.»

— Вообразите, у меня двѣ фабрики: одна макаронная, другая проволоочная и ни одна изъ нихъ не производитъ ни копейки.
— Это оттого, что вы макаронами выдѣмываете какъ проволоку, а проволоку какъ макаронами.

Эти черты автора и подмѣчаетъ въ этнографическихъ сочиненіяхъ С. Максимова, съ которыми обстоятельно знакомитъ воспитанника. Если ученикъ будетъ знакомъ съ путевыми записками Максимова на столько, на сколько они изещерняются книгою автора, можно и на это остановиться. Воспитанника гимназіи до серьёзнаго чтенія не охотинка. Если преподаватель посуетится имъ прочесть «Годъ на Сѣверѣ», то придется бѣжать утѣдять, что они не раздѣлятъ такой книги, отговариваясь множествомъ трюковъ. Этому роду преподавателю можетъ сослужить, отчасти передавая содержаніе книгъ, съ которыми необходимымъ считаетъ ознакомиться воспитанника, отчасти цитируя наиболѣе характерныя мѣста изъ нея; а въ этомъ случаѣ, книга Водовозова можетъ служить хорошимъ руководствомъ.

Въ изложеньи теоріи критикѣ, какъ исторической, такъ и литературной, авторъ сдѣлалъ очень много дѣльныхъ указаній, которыя сообщать ученику утѣбно обращаться съ фактами. До сихъ поръ, болѣею частью случалось, что историческія факты, такъ же, какъ и литературныя, оставались для воспитанника кажимъ-то сфинксомъ. Отсюда къ исторіи онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе, повѣсть «забавлялся», не трудясь подумать, имѣеть ли она какое-нибудь социальное значеніе и какое именно? А такъ, но выходъ изъ шлоди, чѣмъ дашь въ тѣхъ, тѣмъ больше дробь—читалъ все, что подъ руку попало, съ немовѣрною скоростью забывая прочитанное, читая только для у-

го, чтобъ убить время и, такимъ образомъ, дѣлать тенею продуктомъ одной праздности. Водовозовъ, изложивъ теорію критикѣ, прямо дѣлаетъ переходъ къ тремъ родамъ поэзи: эпосъ, гредель, наши русскія былины и сказки, романъ европейскій, съ историческимъ очеркомъ развитія, романъ на западѣ и, наконецъ, нашъ романъ, прѣдставитель котораго выхъ у автора Гоголь; дунія лирическа и драматическа произведенія и обстоятельный разборъ всего этого — вотъ что составляетъ содержаніе послѣдняго отдѣла. Здѣсь авторъ точно такъ же чуждъ признанія какого-нибудь значенія за отвлеченною художественностью, хотя бы даже въ лирической поэзи. Принадая, что чистая художественность ведетъ къ отсутствію нравственнаго смысла въ поэтическомъ произведеніи, авторъ тѣмъ сочувственнѣе въ своихъ отнесеніяхъ къ общественной лирикѣ. Не соблюденъ трезнъ, не чувствіе одинаково, дичнаго неодоленна живнью, не лична страданія, но общее горе родны, которая въ такомъ трудѣ не имѣеть времени ни метатъ, ни наслаждаться—вотъ, по мнѣнью автора, основній мотивъ общественной лирикѣ. Другими словами, сочувствіе къ тому:

Кто бредеть по житейской дорогѣ,
Въ безразсѣтной, глубокой норахъ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣтъ.

Что касается до изложенія ступеней драматической поэзи, то намъ кажется, что авторъ напрасно пренебрегъ Островскимъ, съ которыми воспитанники мало знакомы, и разборъ той или другой драмы котораго болѣе въ тѣхъ, нежели разборъ дунинскаго «Бориса Годунова». Вообще, пора бы намъ заканчивать преподаваніе литературы не Гоголемъ, а Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, какъ писателями, уже рельефно определеннѣишимъ и строго анализированными критикѣю. Вѣсь это условія, дѣло преподавателя литературы нельзя считать конченнымъ. М.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новыя овоши. — Въ вѣтрахъ Швейцаріи, въ Палермѣ, выставлено въ корзинахъ нѣсколько овошей, совершенно невѣданныхъ въ Европѣ. Самый болѣе изъ этихъ овошей имѣеть продолговатую форму, въ видѣ ядра, только съ шишкою. Они пророснутаго цвѣта и называються Горосоромъ итальянскъ, прессы-туберозъ. Это растеніе привезено въ Перу въ 1837 г. и служило для украшенія садавъ, благодаря густой зелени и красивымъ краснымъ цвѣткамъ, имѣющимъ форму каплунокъ. Въ

то же время начали пробовать приготавлять въ пищу коренья растенія, какъ новый родъ картофеля, употребленны въ пищу на экваторѣ, но съ какия соусами его ни подавали, онъ былъ невкусенъ и даже исперилъ, потому что очень горекъ. Однако, въ Болонні этотъ коренья почитается лакомствомъ и тамъ его извѣстно громадны количества. Только вотъ какія способности онъ притоговавать: его варятъ, потомъ замораживаютъ и ѣдятъ замороженными, молятъ въ салоту. Въ Болонні разумеется, жарятъ, чѣхъ въ Парижѣ, но почта такъ очень хорошии и коренья замерзаетъ скоро.

Для другихъ овошей называються красныи и бѣлыи овошъ. Это тоже небольшой шишковатый овоши, извѣстный въ ботаникѣ подъ названіемъ Oxalis tuberosa. Она бываетъ двухъ родовъ: красновата и бѣло-желта, и растетъ въ Перу и Болонні, гдѣ ее кладутъ въ нѣсколько дней и страшно кисло, но не кладутъ въ нѣсколько дней и солнце, тогда она высушается и получаетъ пріятны вкусъ каштана. Ихъ тоже замораживаютъ въ водѣ, отчего онѣ дѣлаются сладкии.

Въ Европѣ можно бы развести оны и употребить этотъ овоши въ качестве салаты, прѣжде жереть капусту. Она питательна и можетъ являться полезна.

Пріятная страна. — Островъ Ява можетъ зваться пріятнѣею странюю. Тамъ, по официальной статистикѣ, тиграи кушаютъ въ годъ по полтора ста головъ въ одномъ округѣ, да по сту тридцати въ другихъ. Въ это же время кроководы проглотили до пятидесяти человѣкъ, да съѣли задушиина до сотни. Означенныя обстоятельства не обратнаты вниманія на эти малоприятныя. Губернаторъ назначилъ премію за каждую убитаго тигра, но голландцы вѣрно прѣдпочтутъ самъ салуать живнѣю этихъ звѣрей, нежели употребить ихъ, потому что не заботится даже о своей безопасности.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Казанѣ, А. С. — см. въ Земсковѣ, П. П. В. — др. № 24-й высланъ вамъ вторично.
Г. Боло — см. Это не стахи.
Полеской почт. кооп. 16-й № выслается вторично на Муравьевскую ст., въ с. Илекѣ, дѣ. С. А. — см. Ну, а если бы нашъ писемъ не долло до насъ — въ тотъ часъ бы обвиняли въ этомъ? А чѣдъ писемъ и журналы пересылаетъ одно и то же учрежденіе, а не мы сами.
Почтенному № 42-й. Въ нынѣшнемъ году стапы не можетъ быть поздравленъ, пересылочъ въ другія редакціи мы на себя не принимаемъ. Присылъ подробный адресъ для доставленія желаемого.

При этомъ номерѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ объявленіе о вышедшей книгѣ: «Описание Петергофа».